

Paolo Gilberto

ВСЁ СРАЗУ

повести и рассказы

PaoloGilberto

Всё сразу. Повести и рассказы

«Издательские решения»

PaoloGilberto

Всё сразу. Повести и рассказы / PaoloGilberto — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932212-8

Пара повестей, десяток рассказов. Все о жизни. О жизни, которая могла быть. И была. Половина правда, половина — вымысел. Иногда фантастический. И мистический.

ISBN 978-5-44-932212-8

© PaoloGilberto
© Издательские решения

Содержание

Минус на минус	6
Часть 1	6
1	6
2	7
3	9
4	10
5	12
6	14
7	17
8	19
9	21
10	23
11	25
12	27
13	30
14	34
15	37
16	40
17	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Всё сразу Повести и рассказы

PaoloGilberto

Фотограф Дмитрий Юрьевич Пименов

© PaoloGilberto, 2018

© Дмитрий Юрьевич Пименов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-2212-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Минус на минус

Часть 1

1

Слишком затянулась зима в этом году. В прошлом-то даже в начале апреля снег лежал, но об этом все, конечно, забыли, и теперь только ленивый не бормотал хмуро: «Вот, мол, весна тебе – середина марта уже, а с неба всё сыплет и сыплет, на термометре до сих пор минус». Но вот Лёху погода совсем не заботила. Автопилот уверенно вёл его домой, сквозь колкий снег в лицо, по скользким раскатанным колеям запорошенного растрескавшегося асфальта. Трезвый человек уже упал бы не раз и не два, и что-нибудь обязательно сломал бы себе, но все знают, кого, кроме детей, хранит Бог. Лёха как раз и был пьяницей. От холодной бани Светки Хомушки, где чаще всего все и выпивали – её старуха-мать ещё держала оборону, и алкашей на порог коттеджа не пускала, до Лёхиного полуразвалившегося, когда-то крепкого и справногo дома было всего ничего – половина улицы. Он шёл по непредсказуемой траектории и совершенно ни о чём не думал. Вероятно, мысли и проносились в его голове, но ухватить какую-то из них он уже был не в состоянии.

Уже перед самой тропинкой к калитке Лёха всё-таки поскользнулся. Хрустко упал, крикнул, встряхнул головой, сфокусировался. «Вот.. Вот, пришёл. А там-то что подвывает, а?» Он вслушивался в темноту, вглядывался. На карачках переполз на другую сторону дороги. Он жил прямо напротив церкви и звук явно шёл от огромных кованых ворот. Лёха даже не пытался встать – в глазах начинало двоиться, и такая игра с самим собой, интересными ощущениями и странным воем и лязгом ему даже нравилась. На площадке перед церковью стоял большой «Мерседес», тускло освещённый фонарём. Внутри кто-то сидел, но Лёху это не интересовало, он уставился на ворота. Вцепившись в них, поскуливая и сильно дрожа всем телом, странный худой мальчишка лет десяти грыз стальные прутья решётки. Лёхе стало жутко. «Мандец, белка.. Предупреждали же, тыщу раз говорили – не берите у цыган самогон, они туда всё сливают. Точно, всё. Как там остальные-то?..». Он с трудом поднялся на ноги и, неожиданно для себя разогнавшись, перескочил дорогу, забежал в незапертый свой дом и завалился на расстеленную кровать.

Утро нового дня ничем не отличалось от предыдущего – опухшее лицо, щетина, перегар. И головная боль. Лёха умирал от неё в очередной раз, чтобы, похмелившись, воскреснуть и оттаять. Вчерашние события в голове никак не отпечатались, просто припоминалось что-то смутное, но не слишком важное. Лёха приподнялся, осмотрелся. «Ё!.. В ботинках улёгся.. Грязи-то сколько, мать её..». Снег с грязных подошв стаял на и без того грязное покрывало. «Хорошо хоть, бухой был, а то бы разделся и замёрз». Он попробовал посмеяться, но тело, вздрогнув, передало судорогу в голову, а та моментально отозвалась чудовищным спазмом. Лёха заскулил, осторожно подтянул колени к животу, сунул руку меж тощих бёдер в двойных спортивных штанах, чтобы согреться и попробовал снова задремать. Но было слишком холодно, за ночь протопленный дом успел остыть, мёрз нос, мёрзли ноги. «Ладно, встаю, встаю», – он заворочался, сел. Покачался из стороны в сторону, потёр лицо. Достал из кармана сломанную сигарету, закурил, прищурившись; перевязал потуже рукав под культёй, встал-таки, подтянул штаны и побрёл в сарай за дровами и углём. За ним, расправив лапы из под какой-то кучи тряпья, затрусил и Костик.

Лёхин кот Костик, в отличие от хозяина, был лоснящимся и упитанным, благо, еду добывал себе сам – доверять в этом деле Лёхе он не мог. Как-то даже притащил огромный кусок варёного мяса – поддержать хозяина. В мясе торчала дорогая мельхиоровая вилка, и Лёха, понимая, что улики за своим товарищем надо прятать, сунул её вместе с мясом глубоко в ящик стола. Вовремя – в дверь ввалилась соседка бабГалья. «Лёха, Лёх?! Это не твой кот у меня мясо упёр? Варилось в кастрюле на кухне летней, я его достала попробовать, на стол положила, только отвернулась – а мяса нету!». Костик сидел, опустив большую голову, у Лёхиных ног и на бабГалью даже не поднял глаз. Лёха всё понял и тут же выдал алиби: «Не, бабГаль, с ним тут уже час зависаем. Похмеляемся!», – он подмигнул соседке и кивнул головой на чайную чашку с самогоном. БабГалья развернулась и вышла, в сердцах хлопнув хлипкой дверью. «Спасибо, брат», – Лёха залез в стол, вынул обратно мясо, отрезал себе маленький кусок, коту отдал большой, вилку выкинул в форточку, прямо в снег. «Будь здоров, Костик!», – опрокинул Лёха в себя чашку, втянул воздух широкими ноздрями и закусил свининой.

«Что-то, Костик, чую, не хватит угля на такую весну-то, а», – встревожено констатировал Лёха, совком сгребая уголь вместе с пылью с пола сарая. Кот, не обращая внимания, вился вокруг ног и мурчал. «Хрена тебе-то, да, ты-то вон, в шубе какой. Сдохнешь – варежки из тебя сделаю, – Лёха расчувствовался и приласкал кота, – Тебе уж всё равно будет, а мне память и тепло». Костик ещё быстрее забегал вокруг Лёхи, и тот чуть не споткнулся через него, когда выходил с ведром из сарая. Вернулся в дом, выгреб вчерашний шлак из печки. Кинул пару щепок и клоч бумаги. Дровесина быстро занялась, Лёха ахнул, вспомнил, что забыл взять дров. Пока во дворе раскопал под снегом сухие поленья, пока вернулся – всё погасло. «Чо газ не провёл, чо газ не провёл? – бурчал он себе под нос, – А где б я деньги взял на трубы да на котёл? А платить за него? Я лучше мешок угля у вагонов пассажирских насобираю. Так бесплатнее. За свет плачу, и то хорошо. Короче, пока не похмелюсь – дела не пойдут». И, натянув чёрную шапку с логотипом какой-то баскетбольной команды, он поспешил к церкви.

2

Место успокоения души, памятник архитектуры 18-го века. Для Лёхи и местных алкашей Казацкая церковь была местом службы, как и для иерея Максима Палёнина. Только Максим служил по одну сторону ограды, а Лёха и его товарищи выходили, как они сами называли, «на промысел», по другую. Заметив приближающегося Максима, попрошайки, выстроившиеся вдоль ограды, притихли. Черноглазый и черноволосый, с густой бородой, высокий, крепкий, молодой, но строгий и принципиальный иерей часто гонял алкашей от церкви, и они с ностальгией вспоминали доброго старого батюшку, который отдал Богу душу в прошлом году.

– Так, православные, по какому поводу опять сбор? – без улыбки спросил Максим у алкоголиков. Он их даже жалел иногда, но понимал – один звонок в Епархию от местных жителей, мол, иерей развёл у храма притон, и служить Максиму где-нибудь в глуши. А в Казацкой церкви ему нравилось – пусть и на краю города, зато храм красивый, прихожане прилежные, летом сирень, яблоневые сады, неподалёку речка. Школа, опять же, детям в первый класс скоро. А с колокольни вообще открывались грандиозные виды на фантастические гигантские отвалы карьеров горно-обогачительных комбинатов города.

В рядах попрошайек наметилась паника, но кто-то вспомнил про календарь.

– Пасха скоро, батюшка, а сегодня родительская суббота, – затараторила Светка Хомушка, когда-то молодая и красивая девка, которая сейчас, в свои двадцать семь выглядела минимум вдвое старше.

– Родительская? – Максим сделал вид, что задумался, – А число-то хоть какое сегодня, ты помнишь? – он приблизился вплотную к Светке, стараясь не дышать – перегаром тянуло знатно, и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Дык это.. Ну.. Вроде двадцать седьмое марта, разве нет? – ничуть не смутившись спросила она.

– Двадцать третье, – выдохнул Максим, – Вы когда одумаетесь, православные, а? Так ведь нельзя жить. Вы надумайте прекратить бухать, поддержитесь хотя бы дня три и приходите в храм. Едой помогу, и одеждой поддержу. Вы только завязывайте. Вы хоть пробовали не пить?

– Я пробовал, – вдруг выронил Лёха и сам испугался своей смелости.

– Когда? Сколько ты не пил? И как тебя зовут? – Максим, как генерал, сделал несколько шагов вдоль «строя» попрошак и остановился перед Лёхой.

– Лёха. А не пил сегодня. Два часа. Только проснулся и не пил. Больше не смог. Вот, пришёл. Спасаться. Может, нальёт кто – неожиданно для себя улыбнулся Лёха. Светка захохотала, уткнувшись носом в рукав Пети Француза. Петя сильно картавил, и меткое прозвище, выданное непонятно кем, прилепилось к нему мгновенно. Он тоже заулыбался, но его длинные печальные усы всё равно придавали лицу унылое выражение.

– Вы дождётесь, доиграетесь, – зло бросил Максим, и громыхнув железной калиткой и на ходу перекрестившись, вошёл во двор храма.

Попрошайки на мгновение оробели.

– Суровый какой, чего-то, говорит, дождёмся, до чего-то доиграемся – вздохнул Лёха, – Ребят, эт самое, есть, а? Не могу, сил нет. Мне б плиту ещё сегодня растопить, развалится дом от холоду. Налёте?

Петя молча вытащил из кармана свою гордость – жестяную сувенирную фляжку, и протянул её Лёхе.

– На вот, полечись. И нам оставь. А хоть и допей. Народ сейчас на службу начнёт подтягиваться, на самогон насобираем по-любому.

Лёха трясущимися руками открутил крышку, припал к горлышку и сделал большой глоток. Через мгновение горячий шар прокатился по желудку и тихо лопнул, разгоняя тепло в каждый капилляр.

– Ух. Это что у тебя? Спирт, что ли? – радостно спросил Лёха.

– Ага, – забрал фляжку Петя, – Вчера Светка достала заначку. Но ты уже ушёл.

– Хорош, ух, хорош! Уже, как дед мой говорил, «разбежался по жилкам, как сплетня по селу», – Лёха быстро приходил в привычное состояние тихой эйфории, – А я даже не помню, как вчера от вас ушёл.

– Да ты ещё на своих смог, а Коля Волчок так и уснул на полу, – захохотала Светка, – Начал, вроде, ко мне приставать, потом сполз на пол и затих, жених.

– Это ты меня рано за дверь выставила, Светка, – горделиво заявил Лёха, – Я б тебе дал бы за мужика подержаться, а то иду домой и думаю: «Ох и Светка, такого пихаря отвергает!». Иду домой и думаю, иду домой и.. – повторил Лёха и замер. Начал что-то припоминать.

– Лёх, ты чего, сердце стукануло? – встревожено нахмурился Петя.

– Нет-нет, всё нормально, – и Лёха с широко раскрытыми глазами пошёл вдоль ограды. На улице уже достаточно рассвело и решетку было хорошо видно. Лёха остановился. Дыхание остановилось. Три прута ограды. На крайних – вытертая руками изморозь и грязь, а на центральном – сеточка замёрзшей слюны и оголившаяся сквозь краску сталь. Много сколов. Как от зубов. У Лёхи внезапно подкосились ноги и он сел в снег.

– Лёха? Ты заболел, а? – Светка потянула его за полупустой рукав.

– Да нет, ничего, – Лёха понимал – его ночная история слишком неправдоподобна. Ни Светка, ни Петя в неё не поверят, а выставлять себя чокнутым – себе дороже, с ним сразу все перестанут иметь любые дела, если, конечно, их совместное пьянство и попрошайничество можно назвать делами.

3

Подавали в то утро щедро – Лёха, Светка и Петя покинули «пост» уже через час, звеня мелочью и хитро перемигиваясь. Подаяния они всегда делили честно, хотя, скорее, не делили, а просто подсчитывали и решали, кто пойдёт купить что-нибудь «для сугреву». Сегодня отправили Лёху. Тот уже знакомой тропой спустился вниз по улице, свернул в переулок и остановился перед богатым домом в полтора этажа – нижнюю часть занимал гараж на три машины. Лёха робко надавил на кнопку звонка, подождал немного, потоптался на месте. Через минуту ворота с вычурной резьбой приоткрылись, выглянул цыганёнок лет тринадцати с толстой золотой цепью на шее.

– Эй, Лёха, не сдох ещё? – поприветствовал цыганёнок Лёху.

– Ды как видишь, – хмуро отозвался он.

– Тебе сколько?

– Одну, – Лёха ссыпал в смуглую ладонь мелочь, добавил пару бумажных десятков.

– Подожди тут. И надумаешь всё-таки сдохнуть – давай, только не на нашей лавке, – захохотал цыганёнок и захлопнул ворота.

«Где он застрял, блин, – время шло, Лёха мёрз, трезвел и начинал злиться, – Понастроили хоромы. Не работают нигде. Откуда такое у них? Усыновили б меня, что ли. Я б их побираться научил».

Ворота приоткрылись ровно на ширину пластиковой бутылки из-под «Кока-Колы». Лёха схватил её, сунул за пазуху и зашагал к Светкиной бане.

– Лёх, долго ты чё-то! – недовольно пробурчал Петя.

– Со сбоями спиртзавод у них работал, – виновато улыбнулся Лёха и поставил бутылку на стол.

– Бутор бутором, ужас, – Светка открутила красную крышку, сразу плеснула себе в стакан самогона и, как опытный сомелье, прищурившись, понюхала прозрачную жидкость.

– Надо было лучше водки купить, – сказал Петя.

– Да ну, водки бы взяли одну бутылку! А тут три дня можно не побираться! Подождём Лёхину пенсию, тогда и водки купим, – Светка хохотнула и резко выпила. Выпучила глаза, обвела товарищей глазами, занюхала рукавом, – Ужас, ужас, блин! Я в шоке! Из чего они его гнать стали? Закусить есть чё? Может, в дом зайти, что-нибудь из холодильника взять?

– Не надо, Светка, – нахмурился Петя, – Мать твоя увидит, разозлится опять. Не дай Бог милицию вызовет.

– Но пить-то это невозможно!

– Да ладно вам, – примирительно пробурчал Лёха, – Я по дороге в магазин забежал, вот, – и он выложил на стол два бульонных кубика.

– Это что, Лёх? – округлила глаза Светка.

– Ничего, – смущённо улыбнулся он, – Сейчас кипятком разведём и будем им запивать.

Ну, как бульоном.

– Ужас, – опять повторила Светка, – Пойду ставить чайник.

Разговор не клеился, самогон быстро заканчивался. Петя предложил сходить ещё, но Лёха вдруг засобирился домой.

– Печка не топлена, ребят, замёрзну нафиг, – оправдывался на пороге он.

– Да ладно тебе, давай, я схожу сам, ещё посидим! – Петя уже завёлся, но Лёха покачал головой и непривычно рано, часа в четыре пошёл домой.

Дрова быстро разгорелись, он высыпал сверху на них треть ведра угля, присел у печки. Костик забрался к нему на колени, замурчал, засунул нос под полу Лёхиного пальто.

– Что, Костик, что ты клубком-то, брат? Опять мороз будет? Сколько ж можно.. Ну кончится ведь когда-нибудь зима, а, Костик, ты как думаешь?

Кот вместо ответа выпустил когти, больно уколол Лёху сквозь двое штанов. Тот вздрогнул, но кота не согнал. Потом сел поудобнее, приоткрыл поддувало, прислонился к печке и задремал.

Проснулся он, когда уже стемнело; блики из неплотно закрытой печной дверцы причудливо гуляли на грязном полу, Костик куда-то ушёл по своим кошачьим делам через открытую форточку. Снег закончился, и за окном стояла светлая и звонкая тишина. Лёха встал, потянулся. К его удивлению, голова почти не болела. «Да я и выпил-то всего грамм двести, – задумчиво потёр он колючий подбородок, – Пойти, что ли, к Светке опять? Или ну их. До завтра уже».

Лёха вышел во двор, поскрипел по свежему снегу, добрёл до штакетника. Поднял голову на купола церкви, машинально перекрестился. А когда опустил глаза, ощутил какой-то животный ужас: у храма стоял «Мерседес». Чуть поодаль хрупкий силуэт трясся, держась за решётку ворот, как будто сквозь прутья проходил электрический ток. Лёха внезапно в деталях вспомнил вчерашнее происшествие, вой и лязг, а потом неожиданно для себя глубоко вдохнул, открыл калитку и пошёл к машине.

4

– Эй! – крикнул Лёха мальчишке, – Эй, слышь, ты чё тут, а?!

Дорогу ему преградил внезапно выскочивший из машины бледный, прилично одетый пухленький мужчина.

– Пойдите, пожалуйста! – умоляющим шёпотом обратился он к Лёхе, – Не мешайте, прошу Вас, мы скоро уедем!

– Это чё за херня тут, а? Чё вы тут, сатанисты, а? Да это моя церковь, я живу тут напротив всю жизнь, слышишь, кто вы тут такие, а? – Лёха размахивал руками и искренне возмущался.

К пухленькому мужчине присоединилась такая же рыхлая женщина, которая почти бесшумно открыла пассажирскую дверь, и неслышно ступая, подошла к Лёхе.

– Это сын наш, Андрей. Пожалуйста, не трогайте его, он больной, Вы же видите, – прошептала она. Мальчик, не обращая на них никакого внимания, всё яростнее грыз прут ограды, шумно сглатывая слюну и повизгивая.

– И он больной, и вы оба тоже, – Лёха вдруг успокоился, покрутил пальцем у виска и крикнул: – Я и так его диагноз вижу! Вон, через две улицы тут психдиспансер есть, вот туда его надо утром привозить, а не по ночам к церкви! – он развернулся, махнул рукой и пошёл к дому.

Внезапно за его спиной раздался сдавленный крик, заскрипел снег и чья-то сильная рука, рванув Лёху сначала за хлястик пальто, а потом за карман, развернула его снова лицом к храму. Лёха изумлённо смотрел на мальчика и прикидывал, откуда у него такая силища и как он за полсекунды успел пролететь расстояние в десять метров. А мальчик вдруг улыбнулся. Но улыбался только рот. Рот с растрескавшимися губами и выщербленными зубами с пятнами крови. В глаза было невыносимо смотреть – таких огромных зрачков Лёха не видел у людей никогда. Белков практически нет, просто два чудовищных чёрных колодца. А потом мальчик заговорил тонким-тонким голосом.

– Папа.. Папа.. У меня голова очень сильно болит.. Вот здесь, – и, продолжая улыбаться, мальчик начал ритмично бить себя в висок.

– Ты.. Это ты? – Лёха не верил своим ушам. Мальчик говорил голосом его дочери, – Уля, ты? Ульяна?

– Пааапаа. Не пейте с мамой, пожалуйста, давайте поедem в больницу, голова очень сильно болит, – мальчик улыбался, не переставая звонко и сильно наносить себе удар за ударом. Глаза его вдруг блеснули и он прорычал:

– Молодец, Леонид, так и нужно. Сдохла Ульянка – да и ладно. Как там бабки тебе говорили: «Ангелом стала»? А-а-а, – ужасным, низким звериным рыком захохотал мальчишка, – Ангелом! Я уссуь! А ты поверил! Правильно, надо ведь как-то себя оправдать! Дочь сдохла потому, что отец непохмелённый был! Ха-ха-ха!

У Лёхи помутилось в голове. Культей он сильно толкнул мальчишку, а когда тот упал в снег, навалился всем телом на него и начал душить здоровой рукой. Но тонкая шея оказалась не податливее стальной трубы, Лёха давил всё сильнее и сильнее, а мальчишка, не прекращая, утробно хохотал. Потом он вдруг взвыл на высокой ноте, вцепился в Лёхины плечи, прижался к его груди лбом и что-то быстро-быстро забормотал. Лёху начало колотить с такой силой, что он стал задыхаться. А ещё не смог он заметить, как отец мальчика как-то даже картинно, по-футбольному, в три шага разогнулся и, как пробивают штрафной, так же сильно ударил Лёху ногой. Миллионы солнц одновременно вспыхнули в Лёхиной голове, чтобы через мгновение исчезнуть в полной темноте.

– Верните его туда, где взяли, – как сквозь вату услышал Лёха уверенный голос, – Класть я его в стационар не буду, его мыть надо месяц, чтобы в нормальную палату положить.

– Но вдруг это серьёзно? Он без сознания был. Потом рвота началась. Мы его еле до вас довели.

– Да обычное сотрясение. Вон он уже в себя приходит. Давайте, забирайте. Видно же, алкаш, скользко, упал. Вот вы его нашли и нам доставили. Хорошие люди. Молодцы. Довольны собой? Только он вряд ли вас отблагодарит. Знаю я этот контингент – когда рубля не хватает похмелиться, «братишкой» называют, а как шары зальют, так и плевать им на всё.

Лёха чуть приоткрыл глаза. Процедурный кабинет травмпункта, белая кушетка, накрытая клеёнкой ржавого цвета. Пожилой врач с огромными руками и напротив него несуразный пухленький мужчина. «Где я его видел?» – подумал Лёха, начал косить глаза влево, но боль молнией ударила в голову и он застонал.

– Вот, видите, всё в порядке. На раздражители реагирует, – и врач нетерпеливо повёл плечами, – Если он так вам дорог, забирайте сами, если нет – всего хорошего, очухается – как-нибудь доберётся до дому.

– А если это.. Ну.. Хулиганы, допустим, его избили, – смущённо начал мужчина.

– Вот с этого места поподробнее, – скрестив руки на груди, прищурился врач, – Так всё и было? В полицию позвонить? Это ж по их части.

– Нет-нет, – вдруг засуетился мужчина, – Конечно, сам упал. Весна-то видите, какая, – он неуклюже развернулся и взял Лёху под локоть. Тот, не сопротивляясь, охая, встал и вышел вместе мужчиной в холодную ночь.

– Где Вы живёте? – неспешно закурив на крыльце, виноватым тоном спросил мужчина.

– Я? – Лёха на мгновение задумался, выхватил у мужчины из пальцев зажжённую сигарету, жадно затянулся, – Да почти за городом, напротив церкви, на Подгорной улице, знаете такое?

– Конечно. Я домой Вас отвезу. Вы хоть помните, как в больнице оказались?

Лёха сдвинул брови, потёр нос. Потрогал правую половину лица. Там уже налился огромный болезненный синяк.

– Неа, ничего не помню. Но завтра начну утро граммов с пятидесяти и всё прояснится. Вы, кстати, мелочью не поможете больному?

Пухленький мужчина вздохнул и полез в карман за бумажником.

5

Наутро Лёха чувствовал себя преотвратно. Но это была не обычная головная боль «со вчерашнего». Как будто что-то раздирало его изнутри, и не только в голове, но и во всём теле. Он так и не смог встать с кровати, и судя по тому, как светло было за окном, к утренней службе он опоздал, а значит, Светка и Петя сегодня могут с ним не поделиться. Странно, но ему было всё равно. Не менее странно вёл себя и Костик: обычно он лежал у Лёхи в ногах, пока тот, кряхтя и мыча, пытался подняться с грязных простыней, чтобы выйти на очередной, уже бесчисленный алкогольный круг; сегодня же кот, нисколько не стесняясь, сидел на столе и смотрел на хозяина как-то враждебно.

– Костик! Костик! Кс-кс-кс! – позвал кота Лёха, но тот почему-то зашипел, подпрыгнул, и, проскрежетав когтями по стеклу, вылез в выбитую форточку. «Вконец охренел, – почему-то зло подумал Лёха, – Точно, на варезки пойдёт, когда сдохнет».

Уже ближе к вечеру на крыльце кто-то затопал, оббивая с обуви снег, скрипнула сначала дверь в коридорчик, потом на пороге показались Светка и Петя. Светка с ходу потянула носом воздух, поёжилась.

– Лёх, ты заболел, да? Чё не пришёл? Мы нифига сегодня не набрали вообще!

– Нет, – Лёха говорил без охоты и, честно говоря, гостям был не очень рад. Он повернулся к ним, и Петя ахнул.

– Лёх, а с лицом что у тебя? Как слива, ё-моё. Ну, полсливы, точнее. Тебя отметелил вчера что ли, кто?

– Да нет, упал вроде, в больнице был, – Лёха пощупал лицо и поморщился, – А вы чё пришли?

– Ну, ты даёшь, – обиженно протянула Светка, – Мы сидим у церкви, тебя всё нет и нет. Вот и решили зайти. Может, у тебя тут пятки уже остыли. Друг ты нам или кто?

– Или кто, – эхом отозвался Лёха.

– И, тем не менее, – торжествующе гаркнул Петя и вытащил свою фляжку, – Повод встретиться с тобой мы нашли! Где стаканы?

– Я не буду.

У Пети, который шарил за занавеской на посудном шкафу, замерла рука.

– То есть как, Лёх? Ты же не отказывался никогда, ты точно не заболел? Этот сэм получше, мы вчера за второй ходили, но не к цыганам, литр взяли!

– Я не буду, – упрямо повторил Лёха и отвернулся к стене.

– Точно не кончится зима никогда, – изумлённо прошептала Светка, – Если такие дела на земле творятся.

Со двора послышался шум, потом в дверь кто-то негромко постучал.

– Не заперто! – вместо Лёхи крикнула Светка, и в крохотную кухню бочком зашёл пухленький мужчина вместе с женой. В доме мгновенно стало очень тесно.

– Вы к кому? – строго спросил Петя.

– Мы, – замялся мужчина, – К больному. Мы вчера его.. Э-э.. На дороге нашли, он упал, вроде как, и мы его в травмпункт возили. Сейчас вот проведать пришли. А вы, простите, его родственники?

– Друзья мы Лёхины, – почему-то зло сказала Светка.

– Бывшие! – добавил Петя, схватил Светку за руку и вытащил её в коридорчик. Там они о чём-то жарко спорили полминуты, а потом хлопнули входной дверью и ушли. В доме стало пугающе тихо, только Лёха хрипло дышал, уткнувшись в подушку.

Мужчина робко подошёл к кровати, легонько толкнул Лёху пальцем.

– Простите, – прошептал он, – Это мы, Ваши знакомые. Вчерашние. Вы как себя чувствуете?

– Не очень, – ответил Лёха и резко сел. Женщина ахнула, мужчина отшатнулся. На поллица переливался синяк, в правом глазу лопнул сосуд, белок налился кровью, из-за чего выглядел Лёха очень свирепо.

– Вы простите, что так вышло вчера, – начал было мужчина.

– А как вышло? – перебил его Лёха.

– Так Вы вообще ничего не помните? – прижала ладони к пухлым розовым щекам женщина.

– Помню мальчика какого-то. Что-то он мне говорил. Я потом его прижал к себе. Болел он, мне кажется. А что дальше было – не помню.

– Болел, точно, – отозвался мужчина, – А как Вы узнали?

– Почувствовал, – твёрдо ответил Лёха и вызывающе посмотрел сначала на мужчину, потом на его жену. Та не выдержала взгляда и отвернулась.

– Мы вот что приехали.. Простите, как Вас зовут?

– Леонид.

– Как – Леонид? Мы же слышали, что друзья звали Вас Лёхой.

– Это вроде как кличка у них между собой. А по паспорту я Леонид.

– Ну, так вот, Леонид. Я Виктор, а это моя жена Даша. Мы приехали Вас поблагодарить.

– За что? – Лёха ничего не понимал и почему-то чувствовал ужасное раздражение. Ему хотелось пинками выгнать их обоих из дома. Вместо этого он жестом показал мужчине, что хочет курить. Тот суетливо достал пачку, сунул сигарету Лёхе в губы, чиркнул зажигалкой.

– Ну, как за что? Вы же сами сказали, что наш сын болел. А после вчерашнего.. Происшествия.. Или.. Как бы это сказать.. После встречи с Вами он полностью выздоровел.

– А что с ним было? – без интереса спросил Лёха, совершенно безучастно глядя в окно.

Мужчина, наконец, решился присесть на табурет рядом с кроватью, его жена, не осмелившись войти в комнату, оперлась о кухонный стол.

– Да Бог его знает. Ему диагноз врачи ещё с детства ставили – аутизм. Мы денег на здоровье мальчика никогда не жалели. И как-то всё неплохо было, пока он читать не научился. Причём, нам говорили, что у них, ну, кто с аутизмом, с этим проблемы. А наш за месяц научился. И читал всё подряд. И запоминал с первого раза. Потом освоил интернет. И что характерно: мы даже не знали, на каких сайтах он обычно сидел. Я за ним и историю браузера просматривал, и кэш восстанавливал, и шпионы клавиатурные устанавливал – ничего. Как будто в пустой экран он часами смотрел. А у провайдера уточнил – трафик бешеный шёл в эти часы. Попробовал распечатку – и снова ничего. Чертовщина какая-то.

Лёха с ужасом вдруг осознал, что прекрасно понимает, о чём идёт речь, хотя никогда в жизни ни с компьютерами, ни с интернетом не сталкивался. У него ужасно разболелась голова, но история почему-то захватила его.

– Так, и что? Что же копал в сети ваш Джулиан Ассанж? – живо выпалил Лёха, а потом подумал: «Что за Ассанж?»

– Ассанж? Вы про Викиликс? Тоже новостями интересуетесь? – уважительно посмотрел на испитое Лёхино лицо Виктор.

– Да это я так, – махнул рукой Лёха, – Говорите, что там дальше.

– Короче, потом он начал петь. По несколько часов. Громко. Странные неритмичные и ужасно некрасивые песни на непонятном языке. И в последние недели началась вот эта вся история. Мы как-то вечером ехали от частного врача. И он вдруг завыл. Закричал: «Туда, туда!», и начал с заднего сиденья говорить мне, где налево свернуть, где направо. А вот как к церкви подъехали, у него судороги начались. Я выскочил из машины, отстегнул его, вытащил

на снег, а он вырвался и побежал к ограде. Вцепился в неё, и давай грызть. Зубы скрипят, звук ужасный такой, ну Вы слышали. Жена в истерике, я тоже не знаю, что делать.

У мужчины затряслись губы.

– Леонид, можно я закурю?

– Да, и мне ещё дай, – не оборачиваясь и всё так же уставившись в окно, выронил Лёха.

– И вот я, значит, попробовал его оторвать от решётки. Куда там. Силища бешеная.

Но самое интересное вот что: минут через десять он сам отпустил руки и упал. Мы сразу домой. И провели четыре чудесных спокойных дня. Сын как будто успокоился. Но потом всё повторилось: он так же кричал: «Туда, туда!», я заводил машину, и мы приезжали к вам, на окраину. Место такое у вас тут, прямо скажем не людное. А настоятель храма вашего, вроде бы, с другой стороны церкви живёт. Там не видно и не слышно. И вот только на пятый раз мы с Вами и пересеклись. А вчера.. Ну как.. Вчера.. Сегодня мы с Дашей поняли, что всё кончилось. Представляете? Завезли мы Вас домой после больницы, приехали к себе, легли спать. А утром.. Ну как будто чудо, как будто совсем не наш больной ребёнок, а совершенно здоровый мальчишка десяти лет. Мы вышли в кухню, а он там.., – Виктор не выдержал, всхлипнул, – А он там сидит за столом, пьёт сок с каким-то печеньем, машет нам рукой и говорит: «Ма, па, привет!». Никогда такого не было с ним, никогда. Мы так счастливы. И так благодарны Вам, Леонид! Ведь это Вы его вылечили! Одними руками, – он посмотрел на Лёхину культю и осёкся, – Эм-м.. Ну, точнее, одной рукой.

– Да, – подхватила Даша, шмыгнув носом, – Мы так Вам благодарны! Вот!

И она поставила на стол белый пакет, в котором что-то звякнуло. Виктор тоже вскочил, засуетился.

– Так! – начал он выкладывать содержимое, – Тут Вам, Леонид, и колбаса, самая лучшая, рыбы купили мы, овощи тут, фрукты вот, конфеты. Сигарет хороших блок. Ну и, конечно, не без этого! – подмигнул Виктор и достал литровую бутылку водки и бутылку коньяка. А ещё вот так! – он залез за пазуху, достал бумажник. Положил на стол пятитысячную купюру. Посмотрел на нахмурившуюся жену, смущённо достал ещё пять тысяч и кашлянул.

– Ну вот, Алексей.. То есть, Леонид, и всё. Наша, так сказать, скромная благодарность Вам за помощь. Пусть и такую неожиданную для нас. Да и для Вас, я думаю тоже. Если что – звоните, вот моя визитка, – Виктор положил картонный прямоугольник на купюры, улыбнулся и уставился на Лёху. Тот, не отрывая глаз от окна выронил:

– Пошли вон.

– Что? – поднял брови Виктор.

– Пошли вон! Нахер отсюда оба! – уже громче повторил Лёха.

Даша замерла с открытым ртом. Виктор встрепенулся, молча взял её под руку и повёл во двор. Через форточку Лёха услышал, как Даша громко выпалила: «Да блаженный он, Вить, вот потому и такой хам!»

6

Лёха не спал всю ночь. Всё, что он чувствовал – какой-то животный ужас и безысходность. Что-то мерзкое, липкое и огромное словно засасывало его, его настоящего, оставляя одну пустую оболочку, которая, тем не менее, могла ходить, говорить и есть. Едва за окном просветлело, Лёха поднялся, подошёл к столу. Поворошил свёртки, открутил крышку на водочной бутылке, понюхал, поднёс ко рту, но выпить не смог. Крепко зажмурился, не веря своим чувствам, вернулся к постели и лёг. А потом, через пару часов, совершенно бездумно накиннул пальто, сунул ноги в разбитые ботинки и побрёл к храму.

Уже перед самым входом он поднял руку, чтобы перекреститься, но рука, совершенно не повинуюсь Лёхиной воле, вдруг пребольно ткнула его щепотью сначала в один глаз, потом

в другой, а потом слегка хлопнула по щеке. В голове вспыхнуло: «Не вздумай заниматься этой хернёй, понял? Выбью глаза, сука!». Лёха перепугался окончательно, и, заметив у ограды Петю и Светку, не раздумывая, кинулся к ним.

– Ребята, привет! – выпалил Лёха, виновато улыбаясь.

– Это он чё хочет? – не глядя на Лёху, спросила у Пети Светка.

– А хрен его знает. После вчерашнего даже говорить с ним не хочу. Слышь, шёл бы ты домой, кажется нам, больше у нас общих занятий как-то и нет. К тебе вон какие друзья приезжают! На машинах, в шубах!

– Какие друзья, вы что? Я спал вчера! Не помню ничего. А после того, как упал, вообще что-то с трудом понимаю, что происходит.

– Видишь, Светка, – нравоучительно поднял палец вверх Петя, – Видишь, не может товарищ без нас. Дружба, она!.. Она!.., – Петя не нашёл, что добавить и шепнул: – Может, простим засранца? Спишем хамство вчерашнее на травму и обмоем встречу? – и он полез в карман за фляжкой

– Ладно, садись, Лёх, – миролюбиво подвинулась на маленькой скамеечке Светка, а когда подняла глаза на Лёху, вздрогнула – никогда ни на кого он не смотрел с такой ненавистью.

– Я не Лёха, я Леонид, забыли, что ли, твари?! – прошипел он.

– Эй, Лёха, Лёх, ты совсем голову отбил, а? – угрожающе привстал Петя, – Я тебе мозги-то сейчас вправлю!

У Лёхи моментально поникли плечи, он почесал затылок и пробормотал:

– Вот, опять.. Это что было? Как помутилось что-то в уме.

– Не в уме, а в умишке, – ехидно сказала Светка, – Садись всё-таки, контуженный, сегодня мы заработаем миллион!

– А это с чего так? – Лёха робко пристроился на край скамейки.

Петя улыбнулся и потрепал его по плечу.

– А с того, что сегодня Иван Павлович приедет внука крестить, – улыбаясь, торжественно произнёс Петя.

– Иван Павлович? Ищев? – Лёха нахмурился, – третий зам начальника комбината, да?

– Ага. Сейчас тут целая делегация соберётся. Нам вчера бабШура по секрету сказала, мол, ей батюшка передал, чтоб приготовили всё в лучшем виде – и купель, и всё, что там надо. Сам Иван Павлович к нам, а! Прикинь, сейчас мы ему напоём, чтоб и внучек был здоров, и всё Христа ради чтоб сложилось. Пожалеем ведь убогих, подкинет копеечку! – Петя, довольный собой, полез в карман и достал измятую пачку «Донского Табака».

– погоди, Петь, – Лёха подмигнул ему и вытащил из рукава «Кент», – Вот, бери. Угощайся, Светка.

– Ничего себе! – изумлённо выдохнула Светка, – Лёх, может, тебе точно с нами уже нет смысла сидеть? Откуда у тебя?

– Да я и сам не знаю. Утром очухался, смотрю – лежит. Берите, у меня ещё есть!

– Н-да, Лёха, удивил, – Петя с удовольствием затаился, но тут же начал аккуратно тушить сигарету о стену, – Тихо, тихо, слышите?

Урча почти пятилитровыми двигателями, на стоянку перед церковью один за другим въехали четыре чёрных «Лэнд Крузера», водители которых резво выскочив, несмотря на мороз, в одних костюмах, уже открывали пассажирские двери. Сытые и степенные, выходили из машин почти хозяева города – комбинаты были градообразующими предприятиями, а быть замом, и замами зама – это как Бога за руку держать. Одна за другой выбежали две маленьких нарядных девочки; степенно вышел худой мужчина, аккуратно принявший из салона пышный белый свёрток, перевязанный голубой лентой. Крупная женщина, ни на кого не глядя, сползла с переднего кресла последнего «Лэнд Крузера». Наконец, появился и Иван Павлович. Дублёнка не сходилась на нём, ремень тоже сполз ниже экватора круглого живота,

и только галстук на голубой рубашке висел на редкость симметрично. Довольно улыбаясь всем своим круглым розовым лицом, поправив козырёк блестящей норковой кепочки, он махнул рукой и крикнул: «Ну, пойдёмте, пойдёмте же! Влад, захвати мой портфель». В ту же секунду из ворот храма быстрой походкой вышел Максим, и, радушно улыбаясь, кинулся навстречу Ивану Павловичу.

– Здравствуйте, дорогой отец Максим, приветствую Вас категорически! – Иван Павлович протянул обе руки Максиму. Тот крепко схватил их и энергично встряхнул.

– Всё готово, Иван Павлович, как Вы и просили, – улыбался Максим, – где же новый член Церкви Христовой?

– А вот он! Мариша! – Иван Павлович нетерпеливо махнул рукой. Его дочь, такая же розовощёкая и широколицая, выхватив белый свёрток из рук худого мужчины, кинулась к отцу. Иван Павлович взял его, покрутил в руках и вернул дочери, – Вот, его сегодня, отец Максим, и покрестим. Пройдём?

– Да-да, прошу Вас, – Максим развернулся и увидел попрошаек. Сделал ужасные глаза и показал кулак так, чтобы не увидел Иван Павлович. Но поздно. Петя уже загнусавил:

– Подайте, Христа ради, убогим и нищим, да помилует вас Господь за доброту и участие и дарует жизнь вечную!

Максим зажмурился. Но, к его удивлению, Иван Павлович широко улыбнулся и прикрикнул:

– Влад, ну где ты там? Давай портфель! День-то какой, поможем давай страдальцам!

Тем временем, гости плотным полукругом выстроились напротив попрошаек и, не скрывая любопытства, разглядывали их. Лёха же прятал лицо в воротник пальто, боялся, что Иван Павлович узнает его и припомнит историю с инвалидностью. Светка радостно протянула поллитровый пластиковый стакан, Петя поправил ногой помятую железную миску, в которой стояла затёртая иконка.

– Лёх, давай, покажи культу, – прошептала Светка.

Лёха помотал головой и ещё глубже втянул голову в воротник.

Раздвинув плечом гостей, к Ивану Павловичу подошёл невысокий симпатичный ясноглазый водитель.

– Пожалуйста, Иван Павлович, – Влад протянул ему темный портфель, Иван Павлович, открыл его и достал из бокового кармашка несколько сотенных.

– Ну, убогие, чтоб крепко помолились за здоровье Илюшки моего, поняли? – он улыбнулся, одну сотню положил в миску, другую в Светкин стакан, а третью ткнул за пазуху Лёхе. И вдруг Лёха, совершенно неожиданно для самого себя вытянул шею, безумными глазами обвёл людей и остановился взглядом на Владе. В голове у Лёхи что-то щёлкнуло, зашумело, он откинулся к стене, раздвинул ноги, задышал громко, шумно. Застонал молодым мужским голосом.

– Ох.. Ох.. Иван Павлович.. Иван Павлович. А ваша точно не приедет? – закатив глаза, ритмично раскачивался Лёха. И сам себе же ответил, но уже баритоном:

– Тихо, Владик, тихо, она с Андреем сегодня в Липецке, к сестре поехала. До вечера точно не вернётся.

– Иван Павлович.. Иван..

– А ну-ка, замолчи! – к Лёхе подлетел Максим и встряхнул его за плечи. Ошалевшая Светка округлившимися глазами смотрела то на Лёху, то на Владу, то на Ивана Павловича. Замерла и жена Ивана Павловича. Пауза получалась убийственная. Ситуацию спас ребёнок: громкий крик из свёртка с голубой лентой как будто разбудил всех, и гости, пряча друг от друга глаза, молча пошли в церковь. На улице остались Максим и попрошайки.

– Это что такое? – бешеным сдавленным шёпотом свистел иерей, – Что за театр, слышишь, это ведь тебя Лёха зовут, да? Что за чревоуверение, слышишь меня?! – Максим снова резко тряхнул Лёху. И тот вдруг вскочил.

– Я не Лёха, я Леонид, – абсолютно спокойным тоном ответил он, растопырил пальцы здоровой руки и всей пятернёй резко и дерзко толкнул Максима в лицо. Иерей поскользнулся и неуклюже плюхнулся на землю. Лёха перевёл взгляд с Максима на Петю, потом на Светку, смял сто рублей и бросил их ей под ноги. И ушёл, не оборачиваясь.

7

Выручил, как всегда, Костик. Очнулся Лёха от того, что кот шершавым языком лизал ему нос, и чихать захотелось нестерпимо. Лёха оглушительно прыснул и подскочил. Он лежал сразу за калиткой, которую даже не закрыл за собой, лежал на грязном, подтаявшем под ним снегу. «Какой хрен меня сюда занёс?» – хмуро подумал Лёха, а потом прижал к груди Костика и зарылся лицом в его густую шерсть. «Костян, спас меня опять, а? Не кот ты, а какой-то ангел-хранитель, что ли». Костик вдруг задёргался, отпрыгнул от Лёхи и зашипел.

– А ну, прекрати, Костик! Слышишь? Иди-ка сюда! – но кот в четыре огромных прыжка взобрался сначала с крыльца на сарайчик, а оттуда – на крышу.

Кряхтя, Лёха поднялся, глубоко вдохнул, но привычного студёного озноба не почувствовал. «Ишь, потеплело как на улице! – удивился он, – Сколько сейчас? Все градусов десять, что ли?». Он подошёл к оконной раме, отогнул на себя термометр в растрескавшейся стеклянной оправе. «Ну, точно, десять! Вот и весна, вот и слава ...». Тело само дёрнулось влево, и Лёха с размаху ударил головой в перила. Отключился.

Включился. Уже дома, посреди комнаты, сидя на табурете. «Что это было? – с тревогой подумал Лёха. Так и до „дурки“ доиграюсь. Надо выпить, а то второй день тревоги эти.. Ну их». Но, как ни пытался, встать он не смог. Было ощущение, что сам он приклеен к табурету, а тот, в свою очередь, каждой ножкой накрепко приколочен к облупленному деревянному полу. Лёха испугался по-настоящему. Затаил дыхание. Покачался. Бесполезно. В тишине он вдруг услышал, как у ворот хлопнула дверь машины. И испугался ещё сильнее. «Что ж было-то, а? Не помню, ни хрена не помню, может, это уже за мной приехали, а? Что было? Светка, ага. Петя. Сигаретами их угостил. Потом.. Потом Иван Павлович приехал. И... И?».

Ответы сами вошли в его дом.

Чуть не сорвав дверь с петель, замер на пороге Иван Павлович. Благодушное лицо искривила злоба, по щекам – пунцовые пятна. Не больше секунды оставался он на месте, кинулся к Лёхе, схватил его за грудки.

– Кто тебе сказал? А?

В Лёхе вновь что-то перевернулось, и он, как сам подумал, отключился. Это ему только казалось.

– Ты что, сука пропитая, оглох? Я спрашиваю: кто тебе сказал?

– Кто тебе сказал, – вдруг, раскинув руки, вскочил с табурета Лёха и запел совершеннейшим, красивым голосом – нота в ноту: – Кто тебе сказал, ну кто тебе сказал, кто придумал, что тебя я не люблю? Я каждый жест, каждый взгляд твой в душе бере..

Оглушительная оплеуха свалила его на пол. Идеально начищенная итальянская туфля с размаху въехала под рёбра, но, к изумлению Ивана Павловича, Лёха не застонал, а громко и ехидно захихикал.

– Иван Павлович, дорогой Вы мой человек! Сразу видно – член Церкви! Вот сразу! Как только Вы вошли, я почувствовал благодать. И бьёте-то Вы как! Ах, как бьёте, умница!

Видите же, что у меня половина лица синяя, и бьёте в другую! И я терплю, не умножаю зла! Всё по заповедям, заметили, да?

Иван Павлович сначала растерялся, но всё-таки взял себя в руки.

– Ты что-то не понимаешь, видимо. Ты что устроил утром, а? Как ты узнал?

– Иван Павлович.. Ну Вы же взрослый человек, должны понимать, что всё, просто осознайте это, буквально ВСЁ, каждая мысль, движение, порыв.. Как бы Вам это объяснить.. В общем, всё, вашим языком выражаясь, записывается, фиксируется. И становится всеобщим достоянием. Пусть и в весьма узких кругах. Пока узких, – вдруг зловеще прошептал Лёха и поднялся с пола, прижав ладонь к окровавленному лицу.

Иван Павлович отшатнулся.

– А откуда я узнал, что Вы в детстве в бутылку с лимонадом, купленным вскладчину с ребятами, якобы случайно роняли изо рта жвачку, которую Вам отец привозил из-за границы, чтобы самому потом всё допить? А кто ж мне, дорогой Вы мой, и я подчёркиваю это слово – МОЙ человек поведал, какими грязностями, да ещё и с кем, Вы у деда в бане занимались, фантазёр Вы перверсивный? Ну и, в конце концов, неужели же это Ваша бывшая бухгалтерша Нина Владимировна прислала мне письмо, в котором жаловалась на то, что Вы, любитель и тех, и этих, отказываетесь платить алименты и признавать своего сына?

Иван Павлович не верил своим ушам.

– Ты.. Ты.. Да только попробуй.. Откуда.. Я убью тебя, понял? – угрожающе навис он над Лёхой, но тот только расхохотался.

– Убийца! Ха! Ты сам попробуй хотя бы до лета протяни. Это ж не у меня тромб в ноге. И не у меня он может оторваться в любую секунду, чтобы потом притормозить в лёгочной артерии, – Лёха запрокинул голову и захохотал ещё громче.

– Замолчи! Замолчи, сейчас же! Откуда ты всё знаешь? Что тебе надо? Денег тебе дать? – Иван Павлович перепугался по-настоящему.

– В жопу себе их засунь, – холодно выронил Лёха, резко перестав смеяться, – Поглубже. А лучше потрать побыстрее. Успей до лета, помнишь? Тромбу деньги не предлагай. Он не возьмёт, – снова расхохотался Лёха, а потом неожиданно приблизил избитое лицо с немигающими глазами к Ивану Павловичу и тихо-тихо выдохнул: – Не прощаюсь с Вами.

Иван Павлович прикрыл рот рукой, всхлипнул и попятился к двери.

– Всего хорошего, не прощаюсь, Иван Павлович, – повторил Лёха и снова захохотал. Он начал кружить по комнате, и что-то громко кричать. Метался от стены к стене, выл, а потом вдруг резко остановился.

«Это что опять было? – у Лёхи мелко-мелко затряслась челюсть, – Кто приходил, что случилось, что со мной?». Он медленно подошёл к столу, и, не зная, что делать, взял колбасу, оставленную Виктором и Дашей, откусил кусок и стал меланхолично жевать. В дверь поскрёб Костик.

– Вернулся, бродяга? Иди, колбаской угощу, – впустил кота в дом Лёха, рукой оторвал ещё кусок и протянул Костику. Но тот почему-то отпрыгнул и вжался в угол.

– Костик, да ты что, брат, кс-кс, иди сюда! Когда ещё сырокопчёной поедим? – но кот зашипел и начал утробно подвывать. Лёха присел перед ним и протянул руку с колбасой к кошачьей морде. И тут произошло невероятное: Костик подпрыгнул и вцепился когтями в Лёхино лицо. И Лёху снова замутило. Схватив кота за загривок, он с остервенением, не обращая внимания на то, что когти оставляли глубокие борозды на щеках и лбу, отдернул его, размахнулся и метнул в стену с такой силой, что облаком взметнулась побелка. Внутри Костика что-то громко хрустнуло, он закричал почти по-человечески, боком побежал по комнате, а когда упёрся в печку, упал и начал крутиться на месте. Лёха выскочил за дверь, наощупь ухватил топор, который всегда держал в коридорчике, вернулся и начал крушить убогую мебель

в доме. Разбил бабкины иконы, кровать, окна, искромсал табуреты. Щепки, пыль, стёкла – облако мусора окутало Лёху, но и этого ему показалось мало.

Скинув ботинки, он сел на пол и, страшно рыча, закатал штанину. Примерился лезвием топора к щуплой бледной голени с редкими волосами, глубоко вдохнул и рубанул, что было сил. Визжа и смеясь одновременно, в три удара он оставил от ноги уродливый обрубок, из которого кость торчала белым блестящим грифелем, а потом вскочил и, подпрыгивая на здоровой ноге, как будто безобразным циркулем с кровавым карандашом, принялся вычерчивать круги. В кругах он рисовал странные знаки, непонятные буквы, и всё это время торжествующе кричал. Кричал, пока не поскользнулся в луже крови и не упал в груды обломков, оставшихся от стола. Упал неудачно – напоролся на квадратную ножку, которая пронзила его, как булавка жука. Теряя сознание, он зарыдал; зарыдал громко, пронзительно. И проснулся.

8

«Да как же это, а? Что такое происходит?» – Лёха лежал поперёк кровати и вытаращенными глазами разглядывал коричневые трещины на пожелтевшей штукатурке. Мгновение за мгновением он вспоминал свой сон, с ужасом ощущая его реальность. Он глубоко вдохнул, приподнял голову и опустил взгляд. Проморгался. Обе ноги были на месте. В обуви. Глазами пробежал по комнате, кухоньке. Всё цело, на столе ворох еды, надкусанная колбаса. Лёха выдохнул.

– И приснится же такое, а! – вдруг захохотал он, – Меня эти отходняки точно в могилу сведут! Сейчас же напьюсь, а то какой день уже сухой, непорядок! Ёлки, ну бывают страсти, а!

Он громко чихнул, поднял руку, чтобы вытереть нос и вздрогнул. Вся кисть была в засохшей бурой крови, под отросшими ногтями – чёрно-коричневые сгустки, кожа исцарапана. Лёха снова испугался, вскочил, заметался по комнате. Но всё было почти в порядке, пол грязный, как всегда, но крови на нём точно не было видно. Лёха, с третьего раза попав трясущимися руками в рукава пальто, выбежал на крыльцо и остолбенел. Ровно посередине деревянного настила, аккуратно расстеленная, лежала красивая чёрно-белая шкурка с густым мехом, заляпанная кровью, рядом с ней, у простецких квадратных балясин, так же аккуратно сложенные лежали отрубленные лапы. Выпотрошенная тушка кота валялась в метре от крыльца, а голова с высунутым набок языком и закрытыми глазами торчала на одном из кольев хлипкого штакетника. Лёха упал на колени и заплакал, забормотал: «Костик, Костик, брат, кто же тебя так, а? Удавлю, суку, кто же мог так, а?» А потом снова посмотрел на свою руку и всё понял. Он ещё раз всхлипнул, а потом вскочил и закричал, зная о том, что дом его на отшибе, а ещё о том, что никто не будет беспокоиться – с чего бы это алкашу Лёхе орать на своём дворе. Он спустился с крыльца, взял в руку грязный снег, протёр лицо. Крепко сжал ладонью рот и нос, пока от недостатка воздуха не закружилась голова.. Через полчаса, раздолбив лопатой подтаявшую землю в огороде, Лёха зарыл изуродованного Костика. Окровавленный топор он тоже бросил в яму.

Опустошённый Лёха вернулся в дом, взял бутылку водки и побрёл к Светкиной бане.

– Привет, – хмуро ввалился он в дверь.

Петя и Светка переглянулись. Выглядел Лёха ещё хуже, чем вчера. Слева на щеке – второй синяк, и всё лицо в рваных глубоких царапинах.

– Привет, – так же хмуро ответил ему Петя. Светка промолчала и отвернулась.

– Ребят, ну что опять, а? – Лёха почувствовал, что в чём-то виноват, а вот в чём – вспомнить не мог, – Давайте уже замнём, что там было-то, а? Вот, беленькой выпьем, – он громко стукнул бутылкой по столу.

– Беленькой можно, – осторожно проронил Петя и, хрустнув крышечкой, открыл водку, – Свет, давай тару.

Светка молча пододвинула пластиковый стаканчик.

– Лёх, тебе? – вопросительно приподнял бровь Петя.

– Да, давай, ага, – Лёха, подёргиваясь, протянул руку к чашке.

– Ну, давайте, хлопнем по пятьдесят, а потом обсудим ситуацию, – Петя поднял стакан в воздух, но Светка молча, не чокаясь, выпила, а вот Лёха поднёс чашку ко рту, но никак не мог себя заставить себя даже пригубить – рука не слушалась.

– Что, Лёха, опять дуришь? – недобро спросил Петя.

– Да я не знаю, что такое, – пробормотал Лёха, – Не могу бухать, что ли больше.

– А мы сейчас проверим, – Светка решительно выхватила чашку из его руки, долила водки доверху и прикрикнула: – А ну, Петь, поддержи-ка его!

Петя подскочил и крепко обхватил Лёху руками. Тот от неожиданности растерялся и часто-часто заморгал.

– Ребят, да вы что, ребят? – он мотал головой, непроизвольно отворачиваясь.

– Ишь ты, – грузная Светка навалилась на Лёху всем телом, сжала ему ноздри, – Не хочет с друзьями больше встречаться, ахинею несёт постоянно, мы тебя подлечим сейчас, Лёха, ты не сомневайся.

Лёха, задыхаясь, широко раскрыл рот, и в ту же секунду Светка одной рукой опрокинула туда содержимое чашки, а другой потянула его за волосы назад. В горле Лёхи булькнуло, он проглотил всё до капли, закашлялся, на глазах выступили слёзы. Каким-то невероятным движением он вырвался из Петиних рук, подскочил к столу и схватился за нож.

– Эй, эй, Лёха, ты что? – испуганно попятился Петя, а Светка, прячась за него, прикрикнула: – Не дури, а, Лёха, слышишь?

И он услышал. Задрожал, проморгался, огляделся.

– Петь, Свет, я это.. – он посмотрел на свою руку и осторожно положил нож, – Я.. Что-то у меня с головой, наверное.. И это.. Ух.. Разбежалась уже по жилкам, как сплетня по селу! – Лёха разулыбался, кинулся к Светке с Петей, крепко обнял их, – Ребята, ну что вы смурные, а? Давайте-ка ещё по пятьдесят, давайте, это мне магарыч принесли. Мужик сказал, что я его сына вылечил, смехота, да?

Но Светке и Пете почему-то было не смешно.

– Вроде узнаю Лёху, – с опаской глядя на нож на столе, сказал Петя, – Ты, Лёх, не дури больше. Страшновато, честно говоря.

– Ладно, что было, то было. Наливай ещё, – Светка подскочила к столу, расставила посуду. Выпили. Светка потёрла нос и вдруг зло спросила:

– Лёх, а чё ты устроил у церкви?

– А чё я устроил? – растерялся он.

– Ты не придуривайся, не помнишь, что ли?

– Неа, – покачал головой Лёха, – В чём беда-то?

– А в том, – продолжила Светка, – Что Максим нас теперь от церкви гоняет. Сегодня утром подошёл, злющий, как тварюга, никогда его таким не видела, а ещё ведь батюшка! – Светка уважительно подняла палец к потолку, – Ну так вот, подошёл и говорит: «Ещё раз увижу ваши рожи пропитые здесь – вызову полицию. Задрали вы уже, одни неприятности от вас!» И ногами прямо раскидал наши тарелки с земли, а Пете ещё и пинка дал. И это батюшка! – Светка ещё раз подняла палец.

– Это из-за Ищеева, – хмуро сказал Петя, – Зря ты, Лёх, показывал, как он шпыняется со своим водилой. Мы не представляем, откуда ты про всё это узнал, да нам и не интересно. Но там так баба его после крещения орала, при всех. Ужас! «Пидорас, – кричит, – Позорище какое, перед храмом, перед людьми!». Хотя, по мне, так лишь бы человек хороший был. Ты проводника с поезда нашего знаешь, Коротяева?

Лёха кивнул.

– Так вот, он же тоже, того.. Ну.. С мужиком живёт даже, вроде. Но человек хороший. Всегда поможет, хоть рюмочкой, хоть копеечкой. А тут.. Чего ей жаловаться? Шуба есть, машина есть, домище у них какой, о-го-го! А то, что муж под хвост балуется – ну так прихоть, блажь. Семья-то всё равно на первом месте.

– О, развёл философию! – захохотала Светка, – Петя, ты что несёшь? А ты бы сам.. Ну, дал бы тому же Ивану Павловичу, а?

– Ты что, Светка? – взвился Петя, – Я ж мужик настоящий! Ну вот как, – он сильно подёргал себя за грязную куртку на груди, – Вот мужик я, вот сидит это во мне, и никак это не вытравить, и никуда не денется! Исключено!

– Даже если бы он тебе сто тыщ дал за это?

– Даже за сто тыщ! – Петя гордо отвернулся от Светки, налил только себе и выпил. Потом положил голову на руки и прикрыл глаза.

– Свет, – осторожно начал Лёха, – Но я ж в самом деле не помню ничего. И что показывал там, как вы говорите, не помню, и что говорил – тоже.

– Какая уже разница? – вздохнула Светка, – Будем теперь надеяться, что Максим горячий, но отходчивый. А то, Лёх, на одну твою пенсию мы не проживём. Место такое хлебное было, что о-ё-ё-й.

– Ну, будем надеяться, – повторил Лёха, – Чтоб к Богу поближе быть, хоть у оградки посидеть, – он, пристально глядя на руку, осторожно сложил её в щепоть, поднёс сначала ко лбу, приложил. Прислушался к себе. Потом быстро-быстро перекрестился три раза и облегчённо выдохнул.

– Напасть какая-то, Светка, не поверишь! – пьяно захихикал Лёха, – Наливай, родная, заходит вроде нормально.

Внезапно встрепенулся Петя.

– Сто тыщ, говоришь? – задумчиво и громко протянул он. Светка чуть не поперхнулась, а Лёха хохотал так, как будто всё, что страшного произошло за каких-то два-три дня, случилось совсем не с ним.

9

А наступила весна как-то сразу. Апрель выдался ясным и сухим, и с каждым днём весна становилась всё ярче и изумруднее. Максим радовался каждой минуте, проведённой на улице, иногда он просто сидел на скамье перед домом, улыбался и грелся на солнце. Даже на службе мысли его витали где-то далеко от храма, во время чтения он частенько сбивался и замолкал; и певчие деликатно вступали, если пауза становилась неприлично длинной. Так же вполуха иерей исповедовал, торопливо причащал, а сам представлял, как вырвется на первую рыбалку или просто пойдёт гулять по красивейшим холмам, на которых стоял город.

После очередной утренней службы Максим, дыша полной грудью, не спеша вышел из храма, с блаженной улыбкой, щурясь, оглянулся на купола, перекрестился и, ускорив шаг, направился домой. Уже перед тем, как повернуть за угол церковной ограды, он вдруг нахмурился и обернулся. Долго не мог понять, что же его смущает. «Так, – думал он, – Сколько народу на службе сегодня было? Десять? Двадцать? А кто? Опять старушки одни. Пару женщин.. Мужик какой-то незнакомый с дочерями. И все местные, вроде бы. А откуда тогда тачки на парковке?». И действительно, перед церковью стояли пять машин, что в день праздничный уже было много, а тут вроде бы будни, и на службе владельцы этих авто точно не присутствовали. И тут он увидел, как из калитки Лёхиного дома быстрым шагом вышли немолодые мужчина и женщина, мужчина на мгновение остановился, выдернул палку из подгнившего штатетника и полез в карман за ключом от машины. Максим окликнул их:

– Извините, постойте! – он махнул рукой и приблизился к синему «Рено», в багажник которого мужчина укладывал штaketину.

– Да-да, – мужчина, пряча глаза, захлопнул багажник и подошёл к Максиму. Женщина, тем временем, уже уселась в машину и оттуда нетерпеливо поглядывала на Максима.

– Иерей Максим Палёнин, – представился он и протянул мужчине руку.

– Олег, – всё так же отводя взгляд, ответил мужчина.

– Вы извините за бестактность, – начал Максим, – Но я настоятель этого храма и всех знаю в округе, и знаю ещё, что в доме, откуда вы сейчас вышли, живёт алкоголик. Лёха, насколько я помню. Мне просто интересно, что вы там делали.

– Как Вам сказать, – смутился Олег, – Это и не Лёха, а.. Как он сам сказал.. Он.. В общем, Блаженный Лёничка.

– Что?! – неожиданно для себя, вскрикнул Максим, – Это Лёха, алкаш, попрошайка, какой Лёничка, о чём Вы говорите, милейший? В чём благодать его, откуда эти сказки?

– А Вам не рассказывали? Дар у него открылся. Говорят, недавно даже мальчонку вот безнадежного, психического – и того исцелил. Всё видит: и прошлое, и будущее, болезни все знает, и рассказывает, как лечить.

– Кто? Лёха? Да эта пьянь с друзьями своими не помнят, как их зовут-то самих, что Вы такое говорите? – Максим искренне поразился вере этого мужчины во всяких блаженных.

– Да я всё понимаю, – Олег насупился и сунул руки в карманы.

– Вы-то взрослый человек, зачем Вы сюда приехали?! Кто Вас к этому Лёничке направил?

– Бабушки вот ваши, что в церковь ходят. Они у него прибираются, а то Лёничка в быту совсем беспомощен, полы моют, готовят. Он денег совсем не берёт, только продуктами. А мы приехали.. Острый хондроз меня замучил. Ни повернуться, ни встать.

– Остеохондроз? – уточнил Максим.

– Да, он. В общем, Лёничка нам сказал, что у меня проклятье на роду, и что дед мой помогал большевикам колокола с церковью сбрасывать, там спину и сорвал, и теперь вот болезнь всех нас и преследует. Отец мой тоже хондрозом маялся, а только Лёничка объяснил, отчего всё. И ведь правду одну говорил про то, что было.

– Нда, – Максим невесело смотрел себе под ноги, – А забор Вы ему зачем ломали?

– Это.. Это Лёничка мне.. Как бы лекарство прописал. Сказал, чтоб по вечерам жена била меня по спине этой палкой, если болеть начнёт. Сказал, что всё у него в доме заговорённое, и земля на дворе намоленная.

«Намоленная.. Господи, что это творится? – в полной растерянности думал Максим, – Чем там он намолил её? Нужду справлял со всей своей братией?». Он вдохнул и тихо сказал:

– Сейчас же выбросите эту палку.

– Да Вы что? Лёничка сказал, что поможет!

– Извините, Вы кем работаете?

– Водителем. На маршруте.

– И Вас не удивляет, что у каждого второго водителя проблемы со спиной? Просто от того, что образ жизни у вашего брата сидячий. Я и без Лёнички угадаю: Вы ещё и геморроем мучаетесь, точно?

Мужчина засопел, а Максим продолжил твёрдо:

– Завтра же, слышите, завтра же придите в храм и исповедуйтесь. Так и скажите священнику: «Обращался к гадалкам, ходил к целителям». И покайтесь, покайтесь искренне. Даже если мы допустим, что вылечит Вас жена этой штaketиной, душу погубите Вы свою окончательно, слышите? И по-хорошему, по голове бы Вас этой палкой полечить!

Олег развернулся и молча сел в машину. Максим кивнул ему на прощание, но тот сделал вид, что смотрит по зеркалам. Жена что-то быстро-быстро начала говорить Олегу, он отмахнулся от неё, завёл «Рено» и как-то нервно ударил по газам. Максим подождал, пока

машина не скроется за поворотом, а потом решительным шагом направился к Лёхиному дому. За заборчиком на разнокалиберных стульях сидели человек семь, вроде бы взрослых, вроде бы прилично одетых мужчин и женщин. Максим сделал страшные глаза и молча указал им на калитку. Те поняли его, суетливо подскочили и вышли.

Стараясь не шуметь, он поднялся на крыльцо, заглянул в окно. Лёха сидел к нему спиной, а перед ним, сложив тонкие руки на груди, стояла бабШура, которая помогала в храме продавать свечи и собирать задравные и заупокойные записки. Так же аккуратно Максим подошёл к двери и приложил к ней ухо. Слышно было прекрасно.

– Александра! – уверенным, красивым и выразительным голосом говорил Лёха, – Ты всё узнаешь. Абсолютно всё. Ответы на все вопросы. Я тебе это обещаю. Узнаешь всё, но немного позже. Потому что сейчас нас ждёт дебют, – Лёха начал растягивать гласные, как профессиональный конференсье, – Дамы и господа, он уже здесь, уже за дверью, впервые на этой сцене, приветствуйте – Маааксим Паааалёнииин!

Изумлённый Максим робко, как школьник, потянул ручку и осторожно вошёл в маленькую кухню. Строго посмотрел на бабШуру и прошептал: «Быстро отсюда идите!». Она выскользнула за дверь, и Максим остался один на один с Лёхой. Или Леонидом. Тот посмотрел на него удовлетворённо и сказал:

– Ну наконец-то, Максим, наконец-то. Долго же я тебя ждал.

10

Он всегда мечтал петь. С самого детства Максим восторженно наблюдал за удивительной жизнью его родителей: мама была тамадой, а папа крутил музыку на тех же свадьбах и очень красиво пел. Работали они хорошо, в отличие от остальных работников торжеств, не выпивали, и, благодаря прекрасной репутации, всегда были при деньгах. Максим, как только научился ходить, сразу стал тянуться к микрофонам, и папа, благодушно посмеиваясь, прятал их на шкафу, туда же отправились и провода, которые до рождения Максима свободно валялись на полу – даже дома папа пел для себя, для удовольствия, а мама с таким же удовольствием слушала. Расставаясь с очередной девушкой, уже взрослый Максим всегда удивлялся тому, как мама с папой умудрялись друг другу не надоедать, хотя вместе и работали, и отдыхали.

«Путёвку в жизнь» ему выписал крёстный, весёлый выпивоха дядьСаша. Классный барабанщик, он так и не смог найти применения своим талантам в маленьком городке на юге тогдашнего СССР, стране требовались кто угодно, но не барабанщики. Когда Максим, схватив венник, словно гитару, на свой лад начал подпевать бессмертный хит Модерн Токинг бобиннику, яростно коверкая сложный английский до удобоваримого «Юмахал, юмасол», пьяненький дядьСаша в изумлении хлопнул себя по тощим коленкам в вельветовых джинсах и воскликнул: «Далеко не лажа, чувак, далеко! Слышишь, Серёга, а наш-то в ноты лабает! Давай-ка его отдадим в музыкальную школу, как подрастёт!». Возражений, конечно, не было, хоть папа иногда и намекал Максиму, что неплохо бы ему выбрать профессию понадежнее и посерьёзнее, чем музыка. Максим кивал головой, а сам пел.

Пел он везде, это помогало ему заводить знакомства с девчонками и жить, обходя законы улицы: разучив пару-тройку блатных песен, он был уважаем местными хулиганами, которые строго-настроено упредили всех, чтобы «Макса-музыканта не трогали, душевно поёт». На выпускном он спел песню про школу, стихи и музыку которой написал сам, чем вызвал гром аплодисментов в актовом зале, всхлипывания учителей и мамы, а гордый отец потом всем гостям показывал выступление, записанное им на их редкую и дорогущую в те годы видеокамеру.

В девятнадцать лет Максим собрал свою первую группу, в которой он играл на синтезаторе, толстый сосед Витька уныло лабал на басу, ещё был гитарист Серёжка, а барабанщика

заменяла драм-машина из того же синтезатора. Правда, на пару репетиций заглядывал крёстный дядь Саша и давал жару, от чего музыка только выигрывала, но потом его запои участились и он не то что ритм – палочки в руках держать уже не мог. Команда в городе быстро стала известной, им даже платили какие-то деньги за выступления, что Максима лишний раз убеждало в правильности выбранного пути.

Группу они бесхитростно назвали «19», по среднему возрасту участников, кое-как записали пару демо-треков на аудиокассеты и, особо ни на что не надеясь, разослали песни на самые разные адреса московских продюсерских центров и просто известных исполнителей. И у Максима остановилось дыхание, когда через пару месяцев в их доме раздался звонок и безразличный голос в трубке произнёс: «Максим, да? Это Алексей, мне попали Ваши записи, есть пара вариантов, подъедете? Надо поговорить». И он, бросив всё, даже своих музыкантов, уехал в Москву.

Сладкие мечты остались мечтами, столичная жизнь в квартире двоюродной сестры и её мужа была слишком тесной, а обещания «продюсера Алексея» свелись к аккуратной просьбе подарить за сомнительные перспективы выступления на «очень серьёзных мероприятиях» авторские права на самые удачные, на взгляд Максима, песни. Он отказал, и Алексей намекнул, что больше видеть его в своей студии не желает.

Днём Максим работал продавцом в магазине бытовой техники, а по ночам четверга и пятницы – бэк-вокалистом в большом и известном караоке-клубе. Там его заметил состоятельный мужчина Игорь Анатольевич, угостил коньяком, похвалил красивый голос Максима и пообещал свести с владельцем популярного лейбла. И всё было хорошо – и записи, и первые выступления на московской сцене, но когда однажды босс недвусмысленно намекнул ему, что за дальнейшее продвижение смазливому Максиму нужно «смотаться в сауну с важными людьми», Максим вспыхнул и убежал из роскошного офиса. Мобильника у него тогда не было и, конечно, никто не стал искать «провинциальную звезду».

Так прошёл год, и Максим понял, что остыл, остыл по-настоящему к пению, и, самое главное, пропала в нём жажда вселенской славы. Совершенно растерянный, слонялся он по огромному чужому городу, но домой возвращаться боялся – вполне справедливо он ожидал, как тяжело будет пережить насмешки бывших друзей и осуждающие взгляды родителей, которые его предупреждали, чтобы он подождал ещё немного, не рвался в столицу. Он не знал, как жить дальше, на что надеяться и во что верить.

Как-то вечером, всё так же блуждая по улицам после работы, он решил спрятаться от внезапно хлынувшего дождя в церкви. Зашёл, осмотрелся. Глубоко вдохнул густой приятный запах. Вечерняя служба закончилась, женщина с белой-белой кожей, продававшая свечи и иконы, мельком взглянула на него и вернулась к своим делам. Максим в храме был один, если не считать ещё одной старушки у иконы, которая, прислонившись лбом, что-то нашёптывала тёплому зацелованному стеклу. Он медленно, стараясь не шуметь, ходил от образа к образу, всматривался в них, пытался понять, что же так тянет людей сюда, под эти тихие своды.

– Молодой человек?

– Да?! – Максим вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял священник, невысокий мужчина за пятьдесят, с глубокими глазами и редкой бородой.

– На службу опоздал? Ну, ничего страшного, завтра придёшь, – вдруг улыбнулся он, – Меня зовут отец Филипп, а тебя?

– Я Максим. Здравствуйте, – от этой улыбки у Максима отлегло от сердца и он сразу проникся симпатией к священнику.

– Здравствуй. Присядем? – и он указал рукой на скамейку вдоль стены.

– Что случилось с тобой, Максим? – отец Филипп внимательно посмотрел Максиму в глаза и он не выдержал. Скривил лицо и, сам того не ожидая, прислонился лбом к плечу священника и зарыдал.

– Я.. Я петь хотел всегда.. А никому это не надо. И что мне делать теперь? Куда идти? – за пять минут он сбивчиво рассказал отцу Филиппу обо всём, что случилось за эти неполных два года. Тот внимательно смотрел на Максима.

– Максим, а ты крещённый? Верующий?

– Да, папа говорил, и крёстный у меня есть, – Максим понемногу успокаивался, а, вспомнив дядьСашу, даже хихикнул.

– Послушай меня. Походи немного на службы, по мере сил. Узнай поближе всё, во что крестился. Вдруг талант твой тебе дан, чтобы в храме петь?

– Ну, Вы скажете тоже! – всхлипнув, улыбнулся Максим.

Но на следующий день после работы с двумя пересадками добрался до «Таганской», быстро перебежал площадь и, войдя в храм, скромно встал в углу у дверей.

Он и сам не заметил, как церковь стала неотъемлемой частью его жизни. Отец Филипп мудро наставлял его, и уже на следующий год, с его благословениями и рекомендациями, Максим с лёгкостью поступил в семинарию и через пять лет закончил её. В регентском классе он встретил милую и скромную Иру, которая после выпуска стала его матушкой Ириной и, вернувшись домой, по распределению областной Епархии он и попал настоятелем в Казацкую церковь. Родители, мягко говоря, были потрясены переменами в сыне, которого не видели много лет, но приняли и его, и его жену, за что Максим был им искренне благодарен.

И так год за годом крутилась череда дел обычного иерея: венчания, отпевания, крестины, службы, проповеди. Максим стал отцом двойняшек, смог на спонсорские средства отреставрировать храм, ему благоволил архиерей. Всё шло, как надо, и даже лучше. До того, как ясным весенним утром он вошёл в Лёхин дом.

11

Максим медленно ногой подвинул к себе табурет и осторожно присел. Он старался дышать не слишком глубоко – в доме стояла ужасная вонь.

– Ну, а как ты хотел, Максимка? – словно прочитав его мысли, довольно хмыкнул Лёха, – Блаженный Лёничка не купается у нас уже которую неделю, бабушки хоть домишко и моют, но к телу я их не подпускаю, берегу себя! – и Лёха захихикал.

Максим осмотрелся. В доме действительно было чисто, ветхая мебель и обшарпанный пол без пыли, на столе чистая скатерть, в комнатке на кровати белые простыни, взбитые подушки. Только выглядело всё так, словно на эту постель никто не ложился, а за столом никто не ел. И смотрелся хозяин дома в этой убогой чистоте, по меньшей мере, дико: глубокие загноившиеся царапины на лице, желтые следы от синяков и удивительно истончённое лицо, хотя Максим помнил, как выглядел Лёха в их последнюю встречу – сузившиеся опухшие глаза, одутловатые щёки. Классический такой алкоголик. Теперь же перед ним словно сидел кто-то, надевший уродливую маску безобидного городского пьяницы. Особенно этого другого выдавали глаза с огромными зрачками, которые, не останавливаясь на одном месте, дёргались то влево, то вниз или вверх – траекторию угадать было невозможно.

Максим, скрипнув табуретом, осторожно спросил:

– Я тут на входе видел целую делегацию к тебе.. Что творится в твоём доме, дорогой?

– Да, дорогой! Я дорогой, а ты – дешёвый. Дешёвый поп Максим! – Лёха заливисто рассмеялся, запрокинув голову назад. Потом резко прижал подборок к груди, взглянул исподлобья и хитро прошептал:

– А что, Максим, классная ведь задница у Маринки Красниковой, а? Классная, сам знаю. Ух, девка! Огонь! Ты бы ей запретил в брючках таких в храм заходить, а то недалеко нашему иерею до греха!

Максим неожиданно для себя густо покраснел. Красникова Марина, преподаватель литературы в местной школе, часто приходила на службы в церковь, исповедовалась у Максима, но его интересовала не её душа: Марина была беспощадно красивой, и умела эту красоту подчеркнуть так, что даже в церкви Максим воздевал глаза не под купола, а опускал их ниже её талии, когда она отходила от чаши с причастием. Вот и сегодня.. И ещё эти предательские брючки и короткая куртка.. Кто её надоумил в таком виде в храм ходить?

– Конечно, Максим, она уж точно лучше Ирочки твоей. Твоя-то что говорит: «Я женщина твоя, деток тебе родила, и должна быть выше плоти, а любишь меня – так люби, какую есть!». Да, люби! Все девяносто шесть бледных бесформенных килограммов! – Лёха снова захохотал, хлопнув ладонью по столу.

– Ты откуда всё это знаешь? – у Максима отхлынула кровь от лица. Он был уверен, что этот разговор с Иррой о том, что неплохо бы ей привести себя в порядок, слышать никто не мог – они ехали вдвоём в машине.

– Мне кажется, я этот вопрос слышу каждый день от самых разных людей! – Лёха смотрел на Максима, а сам резко дёргал головой вбок, как воробей.

– Ты и вправду этот.. Да ну, не может быть, – выдохнул Максим, – И будущее предсказываешь, говорят?

– Ты такой дурачок, Максимка, – почти ласково улыбнулся Лёха, – Кто ж может предсказать его? Только шарлатаны и брехуны. Невозможно это ни для кого. Даже для него, – Лёха неопределённо махнул рукой вверх, – Закон такой. Что вы все, тараканы вонючие, свободны. Свободны до бескрайности. И топорно вмешиваться в это категорически нельзя. А вот слегка наставлять – можно!

Лёха улыбнулся ещё шире, глаза хитро заблестели и он добавил:

– Вот скажу я тебе, что будешь ты жить до шестидесяти лет, но будешь жить очень, мягко говоря, хреново, потому что завтра разобьёшься на своей красивой машине. Кстати, Максим, дешёвка моя, вот ты гоняешь на КИА Спортэйдж, полноприводном, красивом, а купола у тебя на церкви облезать начали. Нестыковка, ты не находишь?

Максим заёрзал на стуле.

– Да ты не нервничай, – подмигнул Лёха, – Знаю, Ищеев думает, типа ты отмолил жену его, когда у той вроде там опухоль обнаружили. Вот он тебе с барского плеча и подкинул машинёнку. А купола.. Да фиг с ними, да? Лишь бы поПа поА ездил в комфорте.. Так, о чём там? Извини, отвлёкся.. Ах, да! Так вот, допустим, допустим!!! Этого не случится, обрати внимание! Скажу я тебе, что завтра ты попадёшь в аварию. Выживешь, но всю жизнь, я повторю, всю оставшуюся жизнь будешь шевелить только головой. Парализует тебя. И вот с этим знанием, ты, чувствительный такой, приходишь домой, напиваешься и лезешь в петлю. Финиш. Собственно, всё и затевалось для того, чтобы довести тебя до смертного греха, но, как видишь, прогноз на будущее не сбудется. Мало ли что наговорят. Ты всё равно всё сделаешь по-своему. Не слушай никого. Предсказать невозможно. Ты же абсолютно свободен в поступках и делах своих. И так во всём.

Лёха вдруг замер. Только глаза продолжали хаотично бегать по сторонам.

– Ладно, давай без этих прелюдий, иерей. Мне нужно попасть в алтарь. До Пасхи.

– Зачем?! – Максим от удивления открыл рот.

– Нужно, и всё. Пойдём прямо сейчас! Возьми меня за руку, и пойдём! И я потом сделаю все, что ты захочешь, – Лёха протянул Максиму культю, и вдруг хихикнул: – Ой, перепутал! За другую руку! Но всё равно – пойдём!

– Что за чушь? – Максим вскочил.

– Не чушь. Не бред. Настало время решить глобальнейшие вопросы, – Лёха говорил очень серьёзно и убедительно. Максим снова сел, – Я не могу тебе пересказывать все детали, теорию ты уже читал, но на практике всё несколько иначе. И там, где в теории какие-то дра-

коны, звери Апокалипсиса и огненные озёра, в реальности всё будет гораздо интереснее. Хотя, не исключая, что страшнее.

– Ты просто спятил! – с облегчением улыбнулся Максим, – Допился до чертей, Лёх! Я сейчас, погоди, – и он полез в карман за мобильником.

– Я не Лёха, я – Леонид. А сети нет, Макс, – холодно проронил Лёха.

– Да ладно! – рассмеялся Максим, – Тут всегда связь есть! Каждый день на службе то у одного зазвонит труба, то у другого!

Он посмотрел на экран. Сети действительно не было. Перестал улыбаться.

– Введи меня в алтарь! – Лёха заговорил каким-то ужасным низким голосом.

– Проспись, пожалуй, – Максим вдруг испугался, вскочил и попятился к выходу. Но Лёха молниеносно рванулся вперёд и вцепился в полу подрясника.

– Максим! Прошу тебя! Получишь всё, что захочешь! – голос Лёхи снова стал обычным, – Что тебе нужно? Маринка Красникова? Сегодня же вечером придёт к тебе. Рабыней твоей будет! Для себя поживёшь, хоть узнаешь, что это такое – жизнь! Или.. Или.. Вот! Я тебе дам песен! Самых лучших! Денег, сколько нужно! Через месяц, максимум два ты будешь звездой! Ты и так звезда, только зачем-то остановился, пошёл не в ту сторону?! Ты же такие стихи писал!

..«А может, я рассыплюсь в прах,

И не увижу снова море,

Зато забуду слово «страх»,

Зато забуду слово «горе»..

Помнишь, а, Максим? Ты ведь и не забывал! Ты эту программу ещё не выполнил, ты её просто.. Немного забыл. Просто уже десяток лет занимаешься не своим делом! – лукаво закончил Лёха.

Максим стоял, боясь пошевелиться. Не мог этот удивительный алкаш знать стихов, которые он, Максим, написал в семнадцать лет. Никак не мог. Их никто не видел и не слышал. Он их девочке одной посвятил, но та Максимом не интересовалась совсем, а он так и не решился эти стихи ей передать.

– Проведи меня в алтарь, ты, ублюдок! Ты слышишь меня, тупой слепой ублюдок, заигравшийся в пастыря, а?! – Лёха, взревев, выпрямился во весь рост и Максиму показалось, что он смотрит на Лёху снизу вверх. Горло Максима перехватил спазм, он с трудом разжал пальцы Лёхи, сильно толкнул его и попятился к двери. Лёха остался на месте, только оскалился ужасной улыбкой и шепнул:

– Приходи ко мне ещё. Нам о многом нужно поговорить. Я твой враг. Я враг вам всем. И я же ваш добрейший друг. Просто этой дружбе нужно узнать цену.

12

Максим долго не мог уснуть в тот вечер и постоянно думал о Лёхе. «Что же с ним такое? На «белку» не похоже, слишком уж всё логично. И откуда же он знает и про Марину, про стихи, про музыку?» Максим заворочался в постели, Ира повернулась к нему недовольным, опухшим и помятым от сна лицо, фыркнула. Он нахмурился. «Ну ведь бред же, бред. Может, сглазили его?» Максим вспомнил, как деревенские бабки определяли сглаз у ребёнка: сжигали перед его лицом спички и бросали их в стакан со святой водой. Если спички стоя плавают, значит, сглаз! И умывали той водой. Что самое удивительное, ребёнок успокаивался. Максим усмехнулся: «Чудеса! Завтра зайду к Лёхе, окроплю и его, и дом. Там, наверное, ни одного угла не освящено. Хотя, как там мужик тот говорил: «Землица у Лёнечки во дворе намоленная?»». Максим вдруг хихикнул, решив, что ничего страшного нет, и всё завтра уладится само собой.

И на следующий день во дворе у Лёхи сидели какие-то люди. Максим, как только вошёл за калитку, зашикал на них:

– Вы что тут делаете? В Бога надо верить, а не в алкаша вонючего!

– Батюшка, а Лёничка Его, Божьим словом и лечит! Чирь у меня был вот такущий на шее! – сухонькая женщина в светлом пальто привстала со стульчика и показала Максиму кулак, – Так Лёничка что-то пошептал, и он через три дня прошёл! Сейчас вот пришла за мужа просить, чтоб выпивал пореже!

– Любой фурункул отойдёт за три дня! – отмахнулся Максим, – Пойдите вон со двора, прошу вас!

Странные посетители, недовольно оборачиваясь, всё-таки вышли. Следом с крыльца сбегал молодой парень, прижимая рукой щеку. Максим схватил его за рукав.

– Ты зачем к нему ходил?

– В ухе стреляет, блин! – парень хлопнул себя по лицу и поморщился.

– И как же тебе Лёничка помог? – ехидно спросил Максим.

– Ды как.. Плюнул мне в руку, сказал, растирать этим..

– А к врачу не пробовал ходить? – Максим растерянно потёр бороду.

– Да ну, страшно, блин, и дорого! – парень махнул рукой и выбежал со двора.

Максим осторожно вошёл внутрь. Лёха сидел на том же месте и улыбался ему. Не глядя, Лёха пошарил по скатерти, наткнулся на пакет с селедкой, достал жирную рыбину. Начал есть прямо с головы, хрустнув костями, жадно проглотил половину, отдёргнул. Коричневая кишка шлёпнулась на подбородок. Лёха облизнулся.

– Передумал, Максим? Пойдём в алтарь?

Максим молча подошёл к столу, поставил банку со святой водой, открыл её. Обряд, конечно, следовало провести по канонам, но он думал, что тут достаточно будет и слегка побрызгать по сторонам. Так, скорее, для порядка. Максим забормотал «Во Имя Отца и Сына, И Святаго Духа...». Лёха с нескрываемым интересом следил за ним. Максим закончил молитву, налил воды на ладонь и щедро плеснул Лёхе в лицо. Тот даже не дрогнул, только провёл ладонью по щекам, брезгливо стряхнул с лица капли и рыбы внутренности.

– Ты что такое сейчас сделал? – безразлично спросил Лёха.

Максим растерялся. Он не знал, на какой эффект рассчитывал, но ему казалось, что должно было произойти что-то хорошее.

– Окропил тебя... Святой водой, – пробормотал Максим.

– Спасибо, хоть не обоссал, – Лёха помрачнел, – А ты ведь сам эту воду святил?

– Да, – Максим опустил руки.

– Я сразу так и понял. Какой-то мелкий поп нынче пошёл, ты заметил, Максим? – доверительно подался вперёд Лёха, – Это как ты думаешь, допустим, залезет к тебе в церковь вор, грамотный, со знанием церковно-славянского, стащит все твои книжки, и потом по одной из них почитает над водой пару молитв. И что ты думаешь, станет она святой после этого, а?

– Я не знаю, – Максим сел на табурет перед Лёхой.

– Ты чему учился, а? Ты же поп без веры. Железяка тупая. Дешёвый ты поп, Максим, я же тебе уже говорил. Ну, раз ты не можешь качнуть весы в одну сторону, помоги мне качнуть их в другую. Проведи меня в алтарь.

Максим покачал головой. Неожиданно Лёха прыгнул на него, обхватил руками и жарким смрадом задышал в лицо.

– Ты пойми, Макс, я всё равно попаду в алтарь. Я не могу пройти сейчас, до тебя были попы посерьёзнее, место святое, за ограду я зайти не смогу, я из мальчишки пробовал её прогрызть... Но ты должен меня провести. Над тобой молитвы нужные читались. Просто возьми меня за руку и проведи. А если откажешь, то в ночь на Пасху, когда вы все выйдете из храма и пойдёте крестным ходом, вот тогда я и зайду. Алтарь открыт, церковь пустая, вы все во дворе.

Это единственный момент, когда я смогу один. Но эффект будет немного не тот... Да ты проведёшь или нет?! – взревел Лёха, – Что тебе нужно тварь, что ты хочешь?! Хуже ведь нет, чем наобещать и клясться, а потом баб чужих в церкви разглядывать! А ты такой! Бесхребетный присосавшийся к церкви червь! Ты даже не знаешь, что тут делаешь, вот как вышло всё, так и вышло! Думаешь, промысел этого твоего?! – Лёха ткнул пальцем в потолок, – Промысел начальства, а? А ты видел его, видел того, на кого работаешь? – он уже совсем сорвался на визг, но вдруг, закатив глаза, мешком свалился на пол. Потрясённый Максим боялся пошевелиться. Он начал осторожно приподниматься на стуле, но тут Лёха медленно протянул к нему руку и коснулся креста на груди.

– Батюшка... Это я... Лёха... Батюшка, помоги, не оставляй, – пальцы дрожали мелко-мелко, оставляя жирные разводы на блестящем распятии, – Я не могу больше так. Я – не я. Всё слышу, что он говорит, но это не я. Почему ты ему не отвечаешь? Спаси меня, нас всех спаси. Отвечай ему, не сдавайся. Вот спросил он тебя – видел ли ты Господа? А я видел, батюшка, – Лёхина рука сжала руку Максима, – А ты разве нет? А я видел. Три раза. Когда не пил ещё. Один раз ехал осенью в троллейбусе. И слякоть такая, морось, грязь. И один я еду в троллейбусе ведь. И так тоскливо мне стало. И вдруг выезжаем мы из переулка на широкую улицу, а там тучи разошлись, и, как из ниоткуда, солнца столько! Троллейбус весь светится! И на светофоре рядом с нами машина остановилась, а у неё на заднем стекле наклейка: «Господь любит тебя!». Батюшка, я это чувство никогда ни с чем не спутаю, когда Бога видишь. Даже не видишь, а... А как будто вот он рядом с тобой и везде.

Максим ошарашено прошептал:

– А ещё что ты видел?

– А ещё... Светку, крестницу мою, когда мы крестили.. И пошли вокруг за батюшкой, который до тебя служил.. Идём, он что-то читает, я её на руках держу.. И поднимаю глаза – а иконы на стенах все сияют. И воздух стал густой-густой, и пахнет, и опять то чувство, когда Он – везде... Я заплакал даже! – Лёха всхлипнул, – А ты сам разве не видел? Посмотри летом, как будешь ехать по объездной, мимо поля подсолнухового, Он тоже там!

– Как – там?

– А так! Идешь утром – поле зелёное-зелёное. Хоть подсолнухи уже распустились! А вечером – жёлтое!

– И что? – Максим уже ничего не понимал.

– А то, что подсолнухи-то, они ж за солнцем крутятся! Головой за ним! Трава, батюшка, трава безмозглая! И та всё знает и в промысле Божьем участвует, – Лёха снова всхлипнул и начал подниматься на дрожащие ноги, – Я молю тебя, батюшка, спаси меня, спаси нас всех, он тут такое думает... Он... Ы-ы-ы! Он... Игуанодон! – Лёха затрясся, подскочил и расхохотался, – Что тут, что тут такое? Потеря связи! Хьюстон, у нас проблема!

Максима начало лихорадить.

– Так не бывает, – прошептал он, – Невозможно это...

– Вай-фай, значит, возможно, телефон твой красивый на две сим-карты – тоже, а чтоб две противоположности в одном вонючем тельце – не бывает? Не лукавь, Максим, не надо! – Лёха смеялся от души.

– Кто ты, просто ответь – кто ты? – Максим смотрел в бегающие глаза Лёхи.

– У меня столько имён... Меня целый легион, ха-ха! Выбирай любое. Главное, до Пасхи давай закончим одно очень важное дело, которое тянется уже тысячи лет, – он уставился невидящим взглядом на Максима.

– Это бред какой-то. Легион? Что делать легиону в теле алкаша, а? У тебя «белка», самая настоящая!

– Я.. То есть, он не пьёт уже месяц, – Лёха вдруг заговорил монотонно и тихо, – А кто из нас больше достоин, чтобы в него пришёл Легион – не тебе решать. Он чище и святее тебя,

поэтому я с ним. У него одна страсть: влить в себя чекушку и радоваться жизни. Зла он никому не желает, не прелюбодействует, не завидует, не ворует. Короче, всё по пунктам. У тебя же наоборот, дешёвый Максим, и я тебе серьёзно предлагаю – введи его в алтарь. Ох и заживём! Ох и...

У Лёхи подкосились ноги, он рухнул на пол и захрапел.

13

– Александра Степановна! – остановил Максим бабШуру на пороге храма.

– Да, батюшка? – смущаясь и припоминая злые глаза иерея в доме Лёхи, чуть склонила голову она и поправила чистый новый платок. Максим угадал ход мыслей, улыбнулся и взял её за руку.

– Не переживайте Вы и не обижайтесь, я ж для Вашего благополучия и стараюсь. Враг под разными личинами скрывается, Вы не ходите в тот дом больше, договорились?

– Так ведь Лёничка...

Максим нетерпеливо фыркнул.

– Наверняка у него это с психикой что-то! – он покрутил пальцем вокруг уха, – А то, что ухаживаете за убогим – это Вы, Александра Степановна, умница. Но больше ходить туда не нужно.

Он снова улыбнулся, но получилось как-то напряжённо и неестественно.

– А не пропадёт он там? – не заметила тревоги Максима бабШура.

– Так раньше ж не пропал. Всё в порядке будет. А за ним вообще, что ли некому приглядеть?

– Жена уехала от него. Неплохая Ленка баба, но сами понимаете, пьёт мужик, ничего не поделаеть.

– Так. И она где сейчас?

– Да в пятиэтажке на Революционной улице квартиру купила старую, там и живёт. Работает вроде на кондитерской фабрике, там же, недалеко.

– А встретиться как-то с ней можно?

– Конечно, можно. А Вам зачем, батюшка? – сжала тонкие губы бабШура.

– Поговорить хочу. Глядишь, спасём Лёху-то.

– Попробуйте. Но безнадёжное дело, думаю. А адрес спрошу у Варьки, она Лене кума вроде. Была. Позвоню Вам попозже тогда, хорошо?

– Спаси Бог, Александра Степановна, – Максим пожал ей обе руки и перекрестил.

Во дворе пятиэтажки негде было припарковаться. Дом строили ещё в те времена, когда на один подъезд была одна машина, а не так, как сейчас – по две на квартиру. Максим осторожно рулил между старых ВАЗов и думал, что нет ведь такой острой необходимости взять и купить это барахло, ведь наверняка же брали из принципа «Ага, Витька купил себе! И я себе куплю!». Особенно такие автомобилисты злили его на заправке: стоят по полчаса в очереди, чтобы залить бензина на триста рублей. Каждый раз ему хотелось подойти к очередному мужичку или пацану на «опущенной» десятке и спросить: «Ну неужели тебе нравится пять раз в неделю заправляться? Ну залей ты полный бак и катайся».

Наконец, он нашёл место у бордюра, переключил коробку на R и начал медленно сдавать, глядя на дисплей камеры заднего вида. Сзади истошно засигналила, заморгала фарами «шестёрка». Максим заглушил машину, вышел. Из «шестёрки», кряхтя, выбрался грузный дядька в клетчатой рубашке и с ходу пошёл на Максима:

– Ты чо творишь, а? Ты мне чуть в бампер не заехал, если б я не посигналил, точно бы номер сорвал!

Максим глубоко вдохнул, чтобы успокоиться и медленно ответил:

– Не переживайте, у меня там камера стоит и я всё видел. Ничего бы не случилось.

Дядька сконфуженно заморгал глазами.

– Ну дык ты это... Осторожнее!

Максим кивнул и вошёл в подъезд. За спиной услышал злое:

– Камера у него... Хорошая машина. Бог дал, наверное.

Дверь открылась после первого звонка. Не успел Максим в полумраке рассмотреть женщину, как она охнула, увидев священника, прижала руку к груди и сдавленно всхлипнула:

– Всё? Всё? Отмучился, Лёничка ты мой дорогой?

Он быстро шагнул внутрь.

– Елена Борисовна! Погодите, ничего с ним не случилось. Здравствуйте, я иерей Максим Палёнин.

– Как ничего не случилось? – она смущённо кашлянула, расправила халат и включила свет, – Проходите, Максим, на кухню, там поговорим, а то не прибрано в комнате у меня, я сейчас переоденусь, секундочку подождите.

Максим в два шага пересёк крошечную прихожую и сел за такой же крошечный стол на кухне. Осмотрелся. Ничего необычного: металлическая мойка, газовая плита с подержавшими конфорками, тёмные шторы на окнах в деревянных рамах, неудобные табуреты, коричневые обои и такой же коричневый линолеум. Из картины двадцатилетней давности выбивался двухметровый красавец-холодильник и большой пластиковый электрочайник.

Через две минуты вошла хозяйка, успевшая переодеться в платье; нестарая ещё женщина, но какая-то слишком уж простая, такая же простая, как и её кухня. На вид ей можно было дать и сорок пять, и пятьдесят пять лет. Некрашенные волосы, никакой косметики. Она робко, словно это не Максим был у неё в гостях, а она сама, присела рядом с ним на второй табурет и выжидающе сцепила пальцы.

– Ну, здравствуйте ещё раз, Елена Борисовна! – улыбнулся Максим.

– Здравствуйте, – она внимательно смотрела ему в глаза.

– Вы почти угадали, я по поводу Вашего мужа пришёл.

– Бывшего, – быстро встала Елена Борисовна.

– Конечно, бывшего, да.

– Там всё серьёзно? – она была очень напряжена.

– Нет, что Вы, – почему-то легко врал Максим, – Даже пить перестал! Месяц уже не пьёт, друзья его не ходят к нему, видимо, одумался.

– Да что Вы такое говорите? – вдруг улыбнулась Елена Борисовна, – Лёничка – и не пьёт? Да он, по-моему, только для этого и родился.

– Позавчера был у него. Ни одной пустой бутылки в доме. Никакого перегара. Ничего.

– Вы что пришли, батюшка? – она снова посерьёзнула.

– Ну как... Может, вам встретиться надо, поговорить? Если он завязал, значит, и семью можно восстановить! Это ведь очень Богоугодное дело, я Вам скажу, заберите его к себе! – вдохновенно выпалил Максим.

– Что-то не так тут, батюшка Максим, – она внимательно разглядывала его, – Что-то точно не так. Либо он начудил опять, либо... А вообще я Вам так скажу, – решительно продолжила Елена Борисовна, – Не верю я этому, не бывает бывших алкоголиков, курцов, гуляк всяких. Всё равно бес в них этот сидит, может, потише себя ведёт, но никуда не уходит.

Максим заметно напрягся.

– Что за бес?

– Да это я так, образно, – она глубоко вздохнула, – Может, чаю? У меня конфеты свежие есть. Они у меня всегда свежие.

Он кивнул.

Елена Борисовна, встала, обошла Максима, пошумев краном, долила воды и мягко нажала выключатель чайника.

– А всё-таки, – продолжил Максим, – Замечали Вы за ним странности какие-нибудь, необычное что-то?

– За Лёнькой-то?! Да ну! – она как-то светло расхохоталась, – Он же, как кума моя говорит: «Хер да душа – как у малыша!». Ой, простите, батюшка...

Максим еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Это что значит?

– А то, что как ребёнок он. Никогда зла не делал никому. Всегда всё честно. Нигде ничего никогда не урвёт, не стащит. Бесхребетный и простой. Слишком даже простой. Поэтому водка его и сгубила, – она нахмурилась, видно, вспомнив что-то. Неожиданно щёлкнул чайник. Елена Борисовна вздрогнула и потянулась к шкафчику на стене.

– Вам, батюшка, чёрный или зелёный?

– А кофе нет?

– Нету, у меня его никто не пьёт, а гостей не бывает, не для кого хранить, – она, позвякивая чашками, быстро разлила чай, достала из холодильника большой пакет с конфетами, – Берите, очень вкусные!

– Да нет, простите, это ж шоколадные, а сейчас пост, я просто так попою, не обижайтесь!

– Хоть сахар возьмите.

– Давайте. Хотя, ладно, давайте и конфет тоже, только каких попроще.

Елена Борисовна придвинула Максиму жёлтый керамический бочонок с надписью «SALT» и высыпала перед ним горсть карамелек со странным названием «Рачки-Чудачки».

– Что я там Вам рассказывала? – она села за стол и стала шумно дуть в чашку.

– Про мужа. Что простой он. И всё такое.

– Ага, да. Простой и вот знаете... Как это сказать. Богобоязненный очень, в церковь часто ходил, причащался, исповедовался. И отец у него такой же был. Вроде бы и выпивал, но знаете, вот так, чтоб в канаве где-нибудь валялся – никогда такого не было. Где стройка или ремонт – он всегда поможет, стакан нальют ему, он и старается. Уже все устанут, а он знай себе тачку с раствором катит и улыбается. Хороший мужик был. И что характерно: когда умер, бабка моя пошла по улице, по соседям, на похороны денег собрать, Лёнька-то в армии был, а мать от них давно ушла. Ну так вот, люди кто по пятёрке, кто по десятке давал, Вы представляете? И это в то время! Оркестр даже ему заказали, столько насобирали. Любили все его. И Лёньку потом любили.

– А что у него с рукой, что случилось вообще? – Максим заворожённо слушал Елену Борисовну, ему всегда были интересны необычные судьбы.

– Ой, сложно там всё, – она покачала головой, – Он же на комбинате на прессе штамповочном работал. И, представляете, то ли зазевался, то ли так вышло... В общем, всадило ему по руке, и сразу всю кисть – в лепёшку. Ну, тут конечно все забежали, его сразу в медсанчасть отвезли, но дело понятное – ампутация. Как оформлять? Производственная травма. А у них мастером цеха тогда Ищев был. Не знаете Ищева? Редкостная гнида, хочу Вам сказать, прости Господи.

– Нет, не знаю, – пряча глаза, помотал головой Максим.

– И эта гнида... Простите, Ищев, прямо в палате начал Лёньку подговаривать, скажи, мол, комиссии, что дома что-нибудь случилось, машина с домкрата во дворе упала, или ещё что. Денег предлагал. Как оказалось, у пресса должна быть какая-то там тройная защита, и такого случиться не могло. Вроде бы даже канадский пресс. Это по документам. А по факту пресс был старый, откуда его Ищев выписал на комбинат, кто теперь узнает? Но Лёнька-то за справедливость всегда. Никто не спорит, и его вина была, что ротозей, но там началась ещё

мутная история с журналами по технике безопасности. Если бы всё по правде разобрать, Ищева бы с работы сразу выперли, а может, и дело бы завели. Но там связи, Вы ж понимаете...

Максим смущённо кивнул. Елена Борисовна, развернув уже пятую или шестую конфету, продолжила.

– Но и у нас тоже связи кое-какие были. У кумы любовник – председатель профкома комбината. И вот он как-то договорился с Ищевым, что и тот остался без последствий, и Лёнке инвалидность быстро и тихо оформили. Даже протез из Германии заказали за сколько-то тыщ евро. Но он-то, когда запил, протез этот в реке утопил случайно. Эх, – махнула она рукой, – Сколько всего было, и не вспомнить...

– А что, до инвалидности он непил? – удивился Максим.

– Почему же? Пил. Но не так. Может раз, ну два в неделю сядет с мужиками после работы. И всё. Это из-за Ульянки...

– Кто это? – Максим давно забыл про остывший чай.

– Дочка у нас была. Хорошенькая. Лёнька любил её очень. Игрался с ней, баловал. А тут к нам родственники с Украины приехали, и мы как-то прямо засиделись с ними, запили. Дня на три. Никогда такого не было. А Ульянка до этого температурила, хныкала, но у нас-то праздник, мы внимания не обращаем, – Елена Борисовна вдруг всхлипнула, – Так и было, прямо помню: мы за столом сидим, а она подходит, глаза закатила и Лёньку за штанину дёргает: «Папка, пап, голова болит очень, вы не пейте тут больше, давайте в больницу поедим». Лёнька ей: «Ты дочка, простыла, пойдешь, полежи, а завтра дядьГену с тетьюКатей на поезд проводим, прогуляемся вечером, и всё пройдет». Не прошло. Утром зашли к ней в комнату, а она, выгнувшись, лежит, ооченевшая уже.

Она не выдержала и заплакала. Максим осторожно взял её за руку.

– Упокой Господи душу рабы Твоей усопшей, – прошептал он и добавил громче: – Не плачьте Вы так, Елена Борисовна, у Бога все живы!

Она снова резко всхлипнула, посмотрела ему в глаза и прошептала:

– А Вы, Максим, детей своих хоронили, нет?

Вместо ответа Максим лишь сильнее сжал её руку. Елена Борисовна крепко зажмурилась. Две слезы быстро скатились по щекам. И всё.

– Врач так кричал на нас с Лёнькой потом. Суками обзывал и алкашами. Лёнька ему всё рассказал про ту пьянку. А на вскрытии у Ульянки нашли менингит. И если б привезли на день раньше, уже бы в седьмой класс пошла она в будущем году.

Елена Борисовна уронила голову на ладони. Потом, собравшись с духом, продолжила.

– Вот тогда и начался конец. И Лёнька в запой ушёл, и я вместе с ним. А бабы спиваются мгновенно, поверьте мне, мгновенно. Сразу превращаются в тварей каких-то. И если мужик-пьяница ещё хоть какое-то сочувствие у меня вызывает, то баб я бы душила своими руками, – она зло сжала кулаки.

– И как Вы выбрались? – тихо спросил Максим.

– А вот так. Сама. Встала и ушла от него. А он остался с овцой этой, Светкой, да Петьюкой картавым. И Костик с ними. Костик у Лёньки потом единственным близким существом и остался.

– Он у церкви с ними не попрошайничал, кажется, – задумался Максим, – Такого персонажа я не заметил, они всегда втроём приходили.

– Костик – это кот, батюшка, – улыбнулась Елена Борисовна, – Он с ним постоянно дома, приглядывает за Лёнькой.

– Не замечал я никакого кота ни разу.

– Да что уже об этом, мировой кот...

Она снова задумалась.

– Ну так вот, когда поняла я, что совсем пропаду, что смогла продать – продала, родители-пенсионеры помогли, добавили на эту вот квартирку, – она обвела вокруг себя рукой, – И с тех пор у меня дома ни грамма спиртного нет. Духи, и те не покупаю. На фабрике если в мою смену начинают конфеты с ликёром лить, беру отгул или подменяюсь, – она помолчала мгновение, – А ещё помню я, зачем Вы пришли. Не вернусь я туда, батюшка, ни к Лёньке, ни в ту пропасть. Это как в ад заглянуть. Не пробовали? – она лихорадочно облизывала сухие губы и сверлила Максима взглядом. Он не знал, куда прятать глаза, – Не вернусь, даже не просите, видеть его не хочу, хотя как... Хочу. Хочу, но боюсь до такой жути, что Вы себе не представляете. Знаю, что не будет как прежде, хоть любила его и люблю. Не отпустит его этот бес.

У Максима пробежали мурашки по спине, он ещё раз крепко сжал мягкую ладонь Елены Борисовны и поднялся.

– Понятно, – тихо сказал он, – Спасибо за чай, я пойду.

Максим уже закрывал за собой дверь подъезда, когда она догнала его и обняла.

– Батюшка, ты спаси его, прошу тебя, – горячо шептала Елена Борисовна, и слёзы капали ему на шею и воротник подрясника, – Если ты пришёл сюда, значит, совсем всё плохо, да?

– Успокойтесь, я постараюсь, – он аккуратно убирал её руки, представляя себе, как двусмысленно выглядит эта сцена со стороны, – И вообще, от чего мне его спасать? Это к врачу-наркологу надо!

Она отстранилась и мягко улыбнувшись, сказала:

– Не знаю я, как объяснить, но чувствую, что Лёнька мой в такой беде, ничего не знаю, а чувствую. Пообещай, Максим, что спасёшь его, прошу тебя, пообещай!

Максим то ли кивнул, то ли покачал головой – он и сам не понял, и бросился к машине, трясушимся пальцем тыча кнопку брелока.

14

«В дурку сдать его, и дело с концом», – думал Максим, энергично шагая по дороге. По иронии градостроителей, психоневрологический диспансер находился в пятистах метрах от церкви. Снаружи двухэтажное серое здание с решётками на окнах ничем не выделялось, да и зайдя во двор с разбитым асфальтом, грязью и лужами сразу можно было понять, что ничем высокотехнологичным или современным диспансер своих посетителей не удивит. Самая обычная больница средней полосы России.

Максим открыл деревянную дверь с растянутой пружиной и уткнулся в длинную очередь. В местном диспансере он не был ни разу. Как-то повода не подворачивалось.

– Это что? – шёпотом спросил он у парня в спортивных штанах, который, нахмурившись, листал журнал билетов по правилам дорожного движения.

– Ну как что? Очередь, – не поднимая головы, ответил он, – Тут всегда так по средам, на справки печать от психиатра ставят, что ты не дурак. За мои же деньги. А то, блин, ни права получить, ни оружие. Да мало ли. Вот и очередь.

– Понятно, спасибо. А где сами больные?

Парень поднял голову и внимательно посмотрел на Максима.

– Оп, а батюшка сюда зачем? Черти мерещатся? – он хохотнул, но, перехватив строгий взгляд Максима, смутился, – Извини..те! На втором этаже, там типа временного стационара.

Аккуратно расталкивая локтями толпу, Максим добрался до лестницы, отодвинул железное ограждение с табличкой «Посторонним вход воспрещён. Бахилы у сестры-хозяйки» и быстро поднялся на второй этаж. Пощупал массивную металлическую дверь с глазком, поискал звонок, и не найдя его, громко постучал ногой. Через пять минут он уже был готов уйти,

но дверь неожиданно распахнулась, и в проёме возник санитар. То, что именно санитар, Максим понял сразу – врачи рукава не закатывают и такая жировая мышечная масса им ни к чему.

– Чё хотели? – совершенно безразличным тоном спросил он.

– Здравствуйте. Мне нужно поговорить с врачом. С заведующим стационаром, возможно ли размещение больного у вас?

– Угу, – санитар развернулся и захлопнул дверь. Уже из коридора Максим услышал:

– Тут подождите, ща я спрошу.

Прошло ещё двадцать минут. Снова громыхнула дверь, но вместо санитаря Максим увидел худого невысокого усатого мужчину с сигаретой.

– Антон Сергеевич, зав. отделением, – протянул он руку.

– Иерей Максим Палёнин. Здравствуйте.

– Что Вы хотели? – равнодушно спросил Антон Сергеевич, глядя мимо Максима в окно лестничной площадки, и глубоко затянулся.

– Кажется, у меня на приходе появился больной вашего профиля, – осторожно начал Максим.

– Кажется? Вы врач-психиатр? Откуда такие выводы?

– Он разговаривает разными голосами, настроение у него меняется каждую секунду, называет себя каким-то блаженным, – горячо заговорил Максим.

– Бухает?

– Что?

– Как что? Пьёт?

– Да.. То есть, раньше пил, а после того, как с ним эти раздвоения личности начались, вроде завязал.

Антон Сергеевич за вторую затяжку выкурил целую треть сигареты и внимательно посмотрел Максиму в глаза.

– Месяц какой сейчас, батюшка?

Максим понял, что в этом заведении удивляться нечему и осторожно ответил:

– Апрель.

– А апрель – это что? – двумя пальцами с окурком прицелился в Максима зав. отделением.

– Что за вопрос?

– Нормальный вопрос. Апрель – это что?

– Что.. Что.., – Максим лихорадочно соображал, – Четвёртый месяц.. Месяц розыгрышей и что там ещё?

– Да весна это, отец. Слышишь? Весна, – спокойно выдохнул врач терпкий дым, – Весеннее обострение. Ничего удивительного. Буянит твой больной? Окна бьёт, бегает голый по улице?

– Н-нет. Дома сидит. Ест мало. Не спит.

– Просто сидит?

– Ну да.. Сидит и людям всякую чепуху говорит, что он, якобы, святой, лечит словами и землёй.

– Я по телевизору и не такую чепуху слышал, – грустно улыбнулся Антон Сергеевич и резким щелчком отправил окурочек в окно, – И что, их всех к нам теперь везти? Нет показаний для госпитализации, батюшка, нет. Знаете, как в милиции.. То есть, в полиции говорят? «Угрожают вам убийством? Ну, мало ли, что говорят. Вот как убьют, так и приходите!», – он сжал губы и махнул рукой, – До свидания.

Гулко хлопнула дверь.

Максим сжал кулаки, фыркнул и спустился по лестнице. Вышел во двор, из больничного воздуха, сел на скамейку и задумался.

«А что это я так испугался? Что забегал? В дурку определить? Он ведь реально такой... Что не прикопнёшься. А вдруг... А вдруг я верю ему? И он... Как он там сказал? Легион. Легион... Это же имя бесов, которых изгонял Иисус, вроде. Но не может этого быть, то – Библия, а это... Город мой. Россия. Улица Подгорная. Какой нафиг легион? В алтарь хочет зайти. Не может быть». Но по спине вдруг пробежал холодок, Максим вздрогнул, выпрямился и понял, что верит во все Лёхины слова. До единого. От этого стало ещё страшнее.

«Как избавиться-то от него? Он же калека... Но он придёт. Точно придёт...». Максим хрустнул пальцами и вспомнил слова врача: «Как в милиции... Как убьют, так и приходите!». «Илюха! Точно!» – Максим выхватил из сумки трубку и набрал номер участкового. Три гудка.

– Алло, батюшка Максим, здравствуйте, слушаю Вас!

Участковый у них был действительно хороший. Адекватный, профессиональный. И, что очень нравилось Максиму, верующий. Службы не пропускал, жену и детей к церкви приучал. Те вроде бы пробовали сопротивляться, но против закона не попрёшь.

– Илья Вадимович! Здравствуйте! Как Вы, как Ваши дела? – бодро начал Максим.

– Всё неплохо, с Божьей помощью! Срочное что-то, батюшка?

– Я по поводу Бронникова. Лёхи. То есть, Леонида. Помните такого?

– Да-да, алкаш, у храма живёт. Что случилось?

– Как сказать. Вроде бы ничего, но есть опасение...

– Угрожал он Вам? – серьёзно и твёрдо спросил участковый.

Максим замялся.

– Да нет. Понимаете... Не могли бы Вы его пару дней перед Пасхой у себя в участке подержать? А то мало ли. Испортит праздник всем.

– Батюшка, он же не собака и не кот, чтоб его в клетку посадить, – участковый рассмеялся, – Для этого нужны веские основания. К тому же, у нас сейчас везде в кабинетах и отделах видеофиксация, если что – как я объясню, что у меня алкаш в обезьяннике делает? Не могу, извините.

– И нет никаких вариантов? – расстроился Максим.

– Разве что один: привезу я Вам наручники, прикуёте его дома к батарее. Да и всё. Будете заходить, присматривать за ним. Если уж так беспокоитесь.

– И это Вы мне, Илья Вадимович, пример с собакой приводили? – серьёзно спросил Максим, подумав, что вся эта история звучит, по меньшей мере, дико, и, вздохнув, добавил: – Завезите наручники ко мне домой, хорошо? Если вдруг меня не будет, матушке Ирине оставьте.

– Договорились, батюшка, всего Вам хорошего!

– Благослови Бог.

Максим снова не мог уснуть. Ира весь вечер допытывалась, зачем участковый привёз наручники, но Максим отмахнулся, сказал, что объяснит всё потом. Ира, кажется, обиделась, но ему было не до того. Он думал, что делать с Лёхой.

Максим почти задремал, повернулся на другой бок и почувствовал, как Ира осторожно взяла его под локоть. Мягко сжала, несколько раз постучала по руке указательным пальцем, а потом быстро-быстро прошептала ему в ухо:

– Что, дешёвый урод, хотел чужими руками всё уладить? Нет, есть только ты и я. Больше тебе никто не поможет!

Максим обернулся и в нескольких сантиметрах от себя увидел ужасное Лёхино лицо с горящими глазами. Максим крепко зажмурился, рванул с кровати, но Лёха сжимал его локоть с такой нечеловеческой силой, что у Максима онемела рука. Он дёрнулся ещё сильнее, забился, закричал.

– Максим, ты что? Ты что, проснись! – испуганная Ира уже успела включить ночник и тормошила мужа за плечи.

- А-а! – Максим резко сел на постели.
– Сон это был, Максим, сон, ты что! Тебе воды принести?

Максим отрывисто кивнул, огляделся. Понемногу начал успокаиваться. А когда посмотрел на локоть, тихо взвыл – в свете ночника он увидел на коже грубые свежие синяки.

15

Максим поворочался в постели ещё полчаса, потом вздохнул, взял со стула футболку и штаны, тихо оделся и вышел в кухню, прихватив со столика ноутбук. Что он собирался искать, он пока и сам не знал. Зашёл на «Яндекс».

– Так, – тихо прошептал он сам себе, – Что делать-то? Что спросить? Кто он там у нас? Легион, да?

Зашуршали клавиши. «Яндекс» высыпал миллионы ответов. На первой странице не нашлось ничего интересного, так, по мелочи: какой-то банк, американский фильм, и страница Википедии о римских легионерах.

– Легион... Нас много... Одержимый... Так... Одержимый, точно!

По запросу снова выскочил первым американский сериал, зато потом порадовала Википедия: в списке из десяти явных признаков одержимости Максим насчитал пять совпадений в случае с Лёхой. А ссылка на Библейские упоминания об одержимых привела Максима на страницу со знакомым, но полузабытым текстом с уроков Священного Писания. Он забормотал:

– Так... Евангелие от Марка... «Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много». Оно! – чуть было не вскрикнул Максим, – Так, и что там дальше? Ага... «И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море».

Максим задумчиво запустил пальцы в бороду. «Свиньи какие-то... Что за сказки? Ко мне тут умалишённый... Ну, ладно, не умалишённый, а одержимый на Пасхальное служение проберётся и натворит дел... А тут непонятно ничего. Ладно, что там дальше?»

На списке фильмов об одержимости он задержался. Японский «Расёмон» его не заинтересовал, а вот «Экзорцист» он решил быстро просмотреть в каком-то онлайн-кинотеатре. Он проматывал титры и разговоры и вглядывался в самые жуткие кадры.

– Да, что-то в этом есть, почти как у меня. Но это же кино, а мой главный герой – через дорогу, – шептал Максим, – Хотя, я вроде бы роман этот читал в журнале... Как его... Блэtti, кажется. «Изгоняющий дьявола». Точно! А журнал назывался «Смена», – неожиданно для себя улыбнулся Максим. В детстве его книга не захватила, но сейчас воспоминания о самых счастливых годах помогли на короткий миг забыть о Лёхе и жуткой мистике, свалившейся на беспечного молодого иерея.

Следующим запросом в поисковике было «Изгнание дьявола в православии». И здесь Максим, лихорадочно перебегая от ссылки к ссылке, наткнулся на сайт монастыря их же областной Епархии.

– Очень интересно, оказывается, и у нас такое есть, ничего себе! – вполголоса радостно разговаривал сам с собой Максим, – Значит, есть кому справиться с алкашом этим! Оп! Что это тут? Ага! – Максим торжествующе выделил текст, – «Отчитки проводит иеромонах Илия каждое чётное число, а в Великий Пост – каждый день, в 13.00». Сегодня же поеду! Сегодня же! Илия! Надо же, почти как нашего участкового зовут!

И Максим, думая, что все его неприятности позади, захлопнул ноутбук, тихо подошёл к кровати, быстро лёг и моментально уснул.

Утром он созвонился с монастырём и договорился о встрече с иеромонахом Илией. Он уже начал отъезжать от дома, как в зеркале заднего вида заметил две покачивающихся фигуры. Максим вышел из машины и махнул рукой.

– Эй! Православные! Да, вы! Подойдите-ка сюда!

Петя со Светкой нехотя приблизились. После того, как Максим прогнал их от Казацкой церкви, им приходилось ездить и попрошайничать к Вознесенской. Нужно было платить за маршрутку, терпеть людей, брезгливо просивших отойти от них и как-то бороться с местными «работниками», которые не обрадовались неожиданным «конкурентам».

– Зла не держите на меня, – добродушно начал Максим, – Но и поймите, приход у нас благочинный, а тот скандал с Ищевым, уважаемым и щедрым, между прочим, человеком, – Максим многозначительно округлил глаза, – Стоил храму некоторых ограничений в спонсировании.

– Для тебя, батюшка, один авторитет должен быть, – дерзко бросила Светка.

– Ну ладно, будет вам. Я ж не запрещаю, но сразу говорю: приходите трезвые. И более-менее опрятные. Чтобы не было таких инцидентов.

– То есть можно уже завтра? – обрадованно снял шапку с головы Петя.

– Можно, – кивнул Максим, – И вот ещё: что это приятель ваш, Лёха, перестал работать, да и вы к нему не показываетесь?

Светка с Петей переглянулись.

– Он зарезать нас хотел. Совсем у него фляга свистит, батюшка, то он Лёха, то Леонид, – Петя тербил шапку, – Я б ему в морду дал, да это ничего не решит. Какое-то зло в нём, жуть просто.

– Но вот что я скажу, батюшка, – влезла в разговор Светка, – Мы, когда в последний раз с ним бухали, заметили: вот как выпьет он побольше, так сразу нормальным становится. Ну, таким, каким его знаем. И крестится, и Бога вспоминает. Удивительно, это ж грех мы вроде творим, да? А трезвый – ну чисто дьявол! И ведь не пьёт сам!

– Да, пить – однозначно, грех. Мало ли какие в Лёхе аномалии. А как же вы выпивали с ним? – удивился новому открытию Максим, – Если он сам не пьёт?

– Как, – сконфузился Петя, – Я держал, а Светка водку заливала!

Максим улыбнулся, но тревога не покидала его.

– Я вас, в общем, предупредил: сидеть у храма – сидите, но чтобы безо всяких представлений!

– Благослови, батюшка! – жарко выдохнула перегаром Светка и Максим, покачивая головой, мелко перекрестил обоих.

На отчитке Максиму казалось, что это не церковная служба, а выступление одного единственного дирижёра без оркестра. Отец Илия, худощавый, высокий, совершенно седой старик с огромным носом и жидкой бородой громко читал, драматично воздевал к куполу руки и резко, запрокинув голову, кропил прихожан святой водой. Но после обычной Литургии началось кое-что интересное: батюшка шёл вдоль стены, где выстроились прихожане, подходил к некоторым, быстро чертил на лбу елеем крест и что-то шептал на ухо. Тотчас люди падали на пол, корчились и выли страшными голосами, а Илия, красиво, и даже немного театрально поднимая руки, кричал «Изыди!». И больные успокаивались, вставали и удивлённо разглядывали себя и окружающих, словно не понимая, как оказались в церкви. Максим уже представлял себе, как будет стоять вдоль стены Лёха и как выйдет из него весь этот легион, и как спокойно отслу-

жит Максим Пасхальную Литургию, и как вернётся его жизнь на свои размеренные и привычные круги.

После отчитки батюшка Илия, ласково улыбаясь, пробрался сквозь людей, которые так и норовили за чем-то ухватить его за одежду и, кивнув Максиму, жестом показал ему на приметную калитку в стене. Максим понял, быстро подбежал к иеромонаху и открыл ему дверь, сам проскользнул следом. Они оказались в маленьком дворике с аккуратным газоном и невысокими плакучими ивами. Иеромонах присел на скамейку и, хлопнув по ней, воскликнул:

– Ну давай, отец Максим, поговорим, о чём ты там хотел?

Максим доверчиво улыбнулся и сел рядом.

– Отец Илия... Я впечатлён. Как-то не сталкивался с такими... э-м-м... обрядами, приехал, так сказать, опыта набраться!

– А на что он тебе? – серьёзно спросил Илия, – Отчитка – дело серьёзное.

– Не хочу время Ваше отнимать, давайте сразу к делу: есть у меня такой одержимый на приходе. Боюсь, как бы не натворил чего на Пасху. Может, съездите со мной, тут недалеко, километров восемьдесят, проведёте чин, да я Вас обратно привезу, а, отец?

Неожиданно старик рассмеялся.

– Милый ты мой, какие одержимые? Кино ты смотрел или книжки читал?

– А как же сегодня... Вы же бесов изгоняли?

Иеромонах прищурился и твёрдо сказал:

– Все демоны внутри нас. Ни в ком-то, ни в бесноватых, ни в ближних. Только в нас. То, что ты видишь снаружи – отражение тебя самого внутри. Я вот, например, со своими всю жизнь борюсь, смиряюсь, Господь помогает, кажется, но всё равно, грешен я так, что и подумать страшно. А про отчитку... Кто на службе был, ты обратил внимание?

– Женщины, в основном, – глядя перед собой, вспоминал Максим, – Мужики какие-то помятые.

– Вот! Заметил! Молодец! – Илия улыбнулся, – А женщины – они какие? Восприимчивые да мнительные. Надумает себе бесов и давай сама мучиться и домашних изводить. А ко мне приедут, я их елею помажу, водой окроплю, гаркну на ухо «Изыди, демон, именем Господа нашего Иисуса Христа», ну они, дамы эти впечатлительные, физически чувствуют, что бес из них ушёл. Чистая психология, Максим! И вера, конечно, без неё никуда. Но это, скорее, для меня самого это понятие, что я людям помогаю с Божьим именем.

– Но всё-таки... Вы бы и мне очень помогли! Там действительно серьёзный случай!

– Эх, милый, вот тебе серьёзный случай поведаю, – потёр лоб старик, – На приходе у нас женщина есть... Как же её зовут... Инга Игоревна. Семья у них обеспеченная, какие-то даже вроде бы дворяне были до революции. И рассказывает эта Инга, мол, маме её, Эмме Аркадьевне, шестьдесят семь, и перенесла она инсульт. Денег они, конечно, не пожалели, выходили эту Эмму, да, но отключился у неё в мозгу участок, который за чтение отвечает. Разучилась она читать совсем. Безвозвратно. А женщина, надо сказать, выпивающая была, каждый день требовала то вино, то портвейн. И Инга Игоревна с мужем хитрость такую теперь делают: покупают в магазине безалкогольное вино и дают ей. Она покрутит бутылку, поглядит – вроде вино, этикетку прочитать-то не может – и пьёт. Теперь самое интересное: напивается! Напивается до икоты, ноги её не держат! А утром мучается похмельем! Вот мозг наш до чего дойти может! И эти одержимые, думается мне, из той же оперы. Но – надо помогать.

Максим покачал головой.

– Но у меня другое. Легион, понимаете? Он сам говорит, что Легион. Поедемте, сами всё увидите.

Старик встал и положил Максиму руку на плечо. Долго смотрел ему в глаза. А потом сказал тихо:

– Даже если так. Если Легион. Это твоё испытание. Тебе Бог его попустил. Ты и справишься. Ты ведь такой же священник, как и я. Господь-то у нас один. Но кто-то проводник Его, а кто-то – полупроводник, так что, ты знаешь, кого о помощи просить, и, когда начнёшь, просто веруй. А без веры получится, как в «Деяниях Святых Апостолов», когда бес изгоняющему его именем Христа сказал: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» – и учинил там погром... Ладно, не будем об этом, ты и так всё понимаешь, – он улыбнулся, перекрестил Максима, – Ты приезжай к нам ещё, такая здесь благодать!

И иеромонах ушёл, махнув на прощание рукой. Максим ещё долго сидел на скамейке. До Пасхи оставалось три дня, и что делать с Лёхой он не знал.

Погружённый в себя, он шёл к парковке. Зазвенели колокола, и Максим от неожиданности вздрогнул, огляделся. На выходе из монастыря стоял железный киоск с книгами, свечами и иконами. Максим, не зная зачем, подошёл к нему, наклонился к окошечку и неожиданно для себя спросил:

– Скажите, а есть у вас что-нибудь особенное?

– Ой, здравствуйте, батюшка! – в окошке показалась молоденькая девчонка, – Да у нас всё особенное, всё монастырское! Вам что нужно?

– Даже не знаю...

Девчонка нырнула под прилавок, а потом подала ему бутылку красного вина.

– Это что? – удивился Максим.

– Как? Кагор! Хороший, крымский. Его сам иеромонах Илия святил, три бутылки всего осталось!

– Илия... Давайте все три! – у Максима в голове выстроилась чёткая картинка.

Продавщица звякнула стеклом и осторожно подала ему пакет.

– Вот, возьмите. Шестьсот шестьдесят рублей.

Максим положил на пластиковый подоконник окошка тысячу.

– Спаси тебя Бог, сдачи не надо.

Он сел в машину, развернулся, окинул взглядом монастырь. Сияли кресты, ослепительно белели меловые горы, на которых стояли монастырские стены. И красным шаром пряталось за них солнце. «Ну вот, Господи, – подумал Максим, – Кажется, вот и Ты».

16

Не доехав до города километров восемь, Максим свернул по указателю «Белогорская ферма», и уже через десять минут затормозил у новых решетчатых ворот. Закрыв дверь, пиликнул сигнализацией. И поморщился – в воздухе висел густой запах свиного навоза. По мощёной дорожке он дошёл до длинного приземистого и шумного свинарника, перед входом в который сидели на крышке от трактора три мужика в грязных комбинезонах и курили. Один из них, заметив Максима, привстал.

– Глянь-ка! Батюшка, а ты зачем к нам? За мясом? Пост же, скромное ведь нельзя, а?

Другой хохотнул и выронил:

– В последний путь провожать приехал, сегодня ж на бойню отправляем ползагона.

Максим, пропустив ехидство мимо ушей, подошёл к ним и, не побрезговав, молча поздоровался с каждым за руку. Мужики оценили.

– Иерей Максим Палёнин.

– Никита.

– Сергей.

– Игорь.

– Присядешь, батюшка? – подвинулся Никита.

– Нет, спасибо. С кем поговорить можно, мне свинья нужна живая?

– На волю выпустить, что ли? Хоть одну душу живую спасти? – сострил жилистый и какой-то весь заострённый мужик, представившийся Игорем.

– Я серьёзно. Одна свинья нужна, прямо сейчас.

– Ну, если серьёзно.

Мужики переглянулись.

– Может, шпика в ней будет маловато, зато за семь тыщ мы тебе хоть сейчас выведем, килограмм на восемьдесят, идёт? – спросил Никита.

Максим смутно понимал, сколько может стоить целое животное и подумал, что цена приемлемая.

– Идёт, – кивнул он.

– А не тощевата будет? – буркнул молчавший до этого Сергей, мужик лохматый и очень крепкий с виду.

– Мне не на еду.

– А на что ж? – изумился Никита, и, подумав, ехидно выронил: – За невестой, что ль приехал?

– Да замолчи! – резко прикрикнул Сергей, – Надо человеку, что ты за идиот?

Максим кивнул ещё раз.

– Кому оплатить, через кассу или как?

Сергей встал, вышел вперёд, закрыв собой Игоря и Никиту.

– Да никак. Если деньги с собой, давай нам, только куда ты денешь её? На поводке до города поведёшь? – негромко спросил он.

– У меня машина за воротами стоит. А они закрыты.

– Короче, смотри: мужикам по штуке, а мне пятёрку. Мы тебе её грузим и разъезжаемся друзьями, лады? – он протянул руку.

Максим не торопился.

– Вот ещё что... Свинью надо будет зарезать.

Сергей отреагировал мгновенно.

– Три тысячи сверху. Я с тобой поеду.

– Там не всё так просто, ты-то поедешь, но то, что увидишь, обещаю никому не рассказывать.

– Обижаешь, батюшка! – Сергей сунул руку в нагрудный карман и достал пачку сигарет, закурил, – Три тысячи, я ж тебе сказал. Остальное мне неинтересно. Подгоняй машину. Слышь, Игорёк? Иди, батюшке ворота открой. А я за своим ножиком схожу.

– Эй, погодите. Она же мне салон перепачкает, или вы ей за семь тысяч и копыта помоеете?

– Да ладно тебе. Сложишь кресла задние, застелем целлофаном, а сама свинья будет в мешке. Как новую доведёшь.

Максим подъехал к Лёхиному дому, крепко зажмурился и повернулся к Сергею.

– Тебе может очень сильно не понравиться эта работа. Но ты держись. И не слушай, что тебе один алкаш будет говорить. Ни единого слова не слушай. Как убивают свиней, кстати?

Сергей почему-то напряжённо смотрел в окно.

– Электричеством, а ты не знал?

– Я не о том. Не на бойне, а так? Не видел никогда.

– Ну, можно сначала киянкой или кувалдой по лбу. А когда она упадёт, ножом бьёшь вот сюда вот, – и он ткнул пальцем Максиму в грудь, – Если попал – нож пульсирует, то есть всё нормально, в сердце ударил. И всё. Ждёшь пару минут, опаливаешь и дальше по технологии. Способ хороший, но это если животное где-то в узком проходе стоит и головой сильно не крутит и деться ей некуда. Будет так?

– Нет, там комната просто. Квадратная. И палить мне не нужно. А если без киянки?

– Можно и так, но крови много. По горлу – чик! И тоже надо держать, пока не обескровится и не сдохнет.

– Так и сделаем. Пошли.

Максим обошёл машину и открыл багажник. Суконный мешок дёргался, но свинья не визжала, а только негромко похрюкивала.

– Серёг... Мне в церковь надо зайти сейчас, а потом домой. Минут через двадцать вернусь. А ты, если не сложно, выкопай в огороде яму, лопата под навесом вроде стоит.

– А яму зачем?! Хоронить свинью? – изумился Сергей, – Я думал, вы её есть будете.

– Эта будет совсем несъедобной, – Максим вздохнул, – Выкопаешь?

– Да. Пятьсот рублей.

Максим усмехнулся и пошёл в салон за сумкой.

«Как я буду всё делать? – Максим медленно бродил по пустой церкви, останавливаясь то перед одной иконой, то перед другой, – Что надо говорить, какие молитвы читать? Ох, Господи, помоги». Он машинально перекрестился, взял свой молитвослов. Подумал, стоит ли надеть подризник, фелонь и епитрахиль, как для служения, но потом решил остаться в рясе. С огромным трудом добрался Максим до дома – ноги не слушались, и с каждой минутой ему почему-то становилось всё страшнее. Ира с детьми второй день гостила у матери, он не разуваясь, прошёлся по комнатам, присел на кровать. «Надо идти. Надо. А почему? Кому надо? Как такое вообще могло произойти? Почему я? Почему со мной? Мало ли в России иереев, почему именно здесь?». Он погладил бороду, посидел ещё минуту, а потом решительно встал, взял из шкафчика в коридоре наручники и ключ, из другого – толстую пластмассовую воронку, сложил их в сумку, и чуть ли не бегом бросился из дома.

Сергей был ещё в огороде, заканчивал яму. В сумерках прямоугольник чернозёма казался бездонным. Максим посмотрел вниз.

– Глубже не надо, хватит.

– Как хотите. Свинью вести?

– погоди. Сделаем так: в багажнике под ковриком трос лежит буксировочный, матерчатый. Он узкий, ты им свинью обмотай так, чтобы не дёргалась. Как зафиксируешь нормально – веди в дом. Там её к чему-нибудь привяжем. А потом выйдешь за дверь, и, как я позову, бери нож, быстро заскакивай и без оглядок и разговоров свинью режь. Ах, да, и пакет с вином захвати, под сиденьем лежит.

– Заберу, ага. А животину прямо в хате валить? Я думал, ты пошутил.

– Нет, какие тут шутки, – Максим повернулся к дому и вздрогнул – в оконном проёме он увидел фигуру Лёхи. Тот смотрел на них, не шевелясь.

17

– Вернулся, Максим? – Лёха уже раскачивался на табурете, выстукивая зубами громкие нервные ритмы.

Максим промолчал, лишь бросил взгляд на дверь, в которую Сергей затаскивал свинью.

– О, да ты не один! Кто тут у нас с мокрым пяточком, Максимкин братик или сестричка? – захохотал Лёха и, покрутив головой, удовлетворённо хмыкнул: – Сестричка! Замечательно. Вечер инцеста с Максимом Палёниным!

– Это дурачок, что ли местный? – не обращая внимания на Лёху, спросил у Максима Сергей.

– Вроде того. Не слушай его, вяжи свинью к трубе, которая от печки идёт в ту комнату, трос длинный, нам хватит.

– Так! Секундочку! – крикнул Лёха, – А что это псевдопоп в моём доме распоряжается? Пошёл вон, слышишь, свинофермер?! А то участковому позвоню! Нехорошо, конечно, его именно в этот щекотливый момент с Маринки Красниковой твоей снимать, слышишь, Максим? Но когда беззаконие творится, выбора нет. Дай-ка телефон!

Максим кивнул Сергею, который, подёргав трос, показал большой палец и негромко сказал, доставая из своей сумки наручники:

– Теперь его.

– Я на это не подписывался, батюшка, что за хрень?! – выставил перед собой руки Сергей.

– Не переживай, так надо, скоро сам увидишь.

– Ну ладно, давай, синячок, пройдем в соседнюю комнату, – и Сергей крепко ухватил Лёху за руку.

– Ой, Серёжка! – обрадованно помахал кулечей в воздухе Лёха, – Давно вышел, братишка?

– Мы знакомы? – нахмурился Сергей.

– П-ф-ф! Спрашиваешь! Иконы ж мы с тобой вынесли из Вознесенской церкви, охраннику позвоночник перебили! Такое разве забудешь, малыш? Вот это были приключения!

Сергей в ужасе отбросил его руку.

– Это кто такой?! – округлившимися глазами он смотрел на Максима.

– Я же сказал тебе: не слушай! Ни единого слова, поволокли его быстрее!

Сергей зажмурился, бросился на Лёху и одним резким движением перетащил его из кухни в комнату.

– Поборол Лёничку, поборол! – улыбнулся Лёха, – А дальше что, как на зоне, накажешь меня?

– К батарее, быстрее прикуй его! Да не к трубе, к батарее самой, к чугуну! – закричал Максим, бросил наручники Сергею и, помогая ему, прижал Лёху к стене, задыхаясь от смрада. Максим видел, как вздулись мышцы на руках Сергея, и чувствовал сам, как нечеловечески тяжело удерживать, казалось бы, тощего инвалида и алкоголика.

«А если бы у него были обе руки здоровые? – мелькнула у Максима мысль, – Да ни за что бы мы его не заломали, он бы искалечил нас прямо здесь».

Резко щёлкнули наручники и Сергей, тяжело дыша, сел на пол.

– Всё, всё, молодец, иди отсюда, иди за дверь! – крикнул ему Максим, ключ от наручников положил в карман брюк, а сам встал перед Лёхой.

– Я готов! – вытянул губы вперёд Лёха, – Расстёгивай штаны!

– И я готов, – тихо сказал Максим и уже громче: – Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, Помилуй Нас!

– Я заинтересован, – уважительно закивал Лёха, – Продолжай! Глянь, Максим, свинья – и та, открыв рот слушает! Вот она, твоя паства! – он упал навзничь и быстро-быстро засучил ногами, завизжал: – Экзорцист, сука, фильмов посмотрелся и пришёл оттачивать навыки, ха-ха-ха! Что там у тебя по сценарию дальше?

– Отче Наш, Иже Еси..

– Во-во, именно оно. Заткнись, а?

Максим закрыл глаза, набрал побольше воздуха.

– ...Да Приидет Царствие Твое...

– Слышишь, клоун, если до послезавтра не справишься, царствие не приидет. Доигрался ты! – Лёха сменил тон и угрожающе зашипел: – Это ж надо было додуматься – такого гнилого иерея поставить на страже царства!

– ...Но Избави Нас От лукавого...

– Шас, ага. После твоих стихов не в рифму я прямо вот встал и ушёл.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго...

– Да ты царство его просрал, какие тут могут быть помилования?! На кол, поглубже! А то взялся тут играть в православного! Как я рад, что мы нашли друг друга, Максим, ты себе не представляешь!!! Пойдём в алтарь, прямо сейчас! Ты в жизни никогда до архиерея не дослужишься, а я тебе сразу должность жирную дам, гораздо интереснее! Пойдём, Максим!

Но он, зажмурившись и трясаясь от ужаса, отбросив молитвослов, по памяти читал молитвы, надеясь, что хотя бы одна из них хоть как-то, но сможет уязвить Лёху.

– Верую Во Единого Бога Отца...

– Ты себя послушай! Ты в него веруешь, осёл? Даже я тебе не верю.

Максим осёкся.

– Илия поверил. Он в меня поверил.

– Или я. Или ты. Но лучше давай вместе, иерей!

Максим решительно сдвинул брови, бросился на кухню, схватил из пакета бутылку, из сумки воронку и вернулся в комнату.

– Скипетр и держава прямо! – оценил Лёха, – Что у нас на второе?

Максим взвыл и налетел на него, сжал щёки и резко вкрутил в Лёхин полуоткрытый рот воронку, зубами сорвал с бутылки пластиковую крышку и замер, уставившись на пробку в горлышке.

– Кто-то не так, ихобретатель? Хтопор нухен, хы-хы! – прошепелявил Лёха.

Максим огляделся и, зажмурившись, отбил горлышко о батарею, расплескав половину бутылки.

– Кто ты творишь, хука?! – Лёха прищурился и попытался вытолкнуть воронку языком или перекусить её. Но пластик был слишком толстым, и Максим уже заливал в широкое горло рубиновый кагор. Лёха закашлялся, в груди его забулькало, а через нос вино полилось ему на грудь.

– Ах кы, мугак! – культей Лёха ударил Максима точно в солнечное сплетение и тот, ахнув и замерев на вдохе, повалился на пол.

– Вот это да! – изумлённо протянул Лёха, выплюнув воронку, – Это кто тебя надоумил, тварь? Ты что налил туда, гнида, ты где это взял?!

Максим повернулся на бок и смог глотнуть воздуха. Снизу вверх смотрел он на орущего Лёху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.